

Подражатель

Автор:

Дэниел Коул

Подражатель

Дэниел Коул

Новый мировой триллер

1989 год. Бенджамин Чеймберс и Адам Винтер идут по следу серийного убийцы, одержимого идеей воссоздать величайшие произведения искусства в мире через тела своих жертв. Но после того, как Чеймберс чуть не погиб, расследование прекращается за недостаточностью улик. Преступник ушел на дно, но его коллекция еще не закончена...

Семь лет спустя сержант Маршалл находит новые доказательства и возобновляет дело. Теперь ей и ее команде предстоит погоня за чудовищем гораздо более опасным и умным, чем любой из них.

Дэниел Коул

Подражатель

© Daniel Cole, 2021

© Яновская, А., перевод, 2021

©ООО «Издательство АСТ», 2022

День, когда Смерть нанесла визит

Итак, старик вернулся домой, чтобы обнаружить дремлющую в его кресле Смерть, наконец-то пришедшую за ним. Но, подумал старик, разве Смерть это не очередной противник? Соперник, в одночасье уставший и одинокий. Поэтому легко переступив через плащ, струящийся по полу, как реки смолы, он отыскал в своем маленьком домике нож, а затем, с ловкостью самой Смерти, прокрался назад к своей спящей гостье. Опьяненный желанием жить вечно, старик высоко поднял руки и с силой опустил их вниз, погружая нож глубоко в мертвенно-бледные внутренности. Но он лишь разбудил Смерть, которая поднялась, возвысившись над всхлипывающим человеком, еще более мстительная и жестокая, равнодушная ко все еще торчащему из кресла ножу.

– Ты собираешься улизнуть от меня? – рассмеялась Смерть. – Тебе лишь нужно попросить. Будь спокоен, ты никогда не почувствуешь моего милосердия. Ибо только живые могут страдать так, как будешь ты.

И с этим Смерть ушла.

У нее было много дел.

Почти ровно через семь лет Смерть вернулась в крохотный коттедж, обнаружив старика дремлющим в своем кресле, со знакомым ножом на коленях.

Легко переступив кровь, струящуюся по полу, подобно красным лентам, Смерть взяла его морщинистые руки. Почувствовав холод ее хватки, старик пошевелился, и его глаза наполнились слезами, когда он увидел свои исцеленные раны.

– Пожалуйста! – воскликнул он. – Разве ты не все у меня забрала? Разве я еще не достаточно выстрадал?

Развеселившись, его посетительница наклонилась, шепча ему на ухо:

– Нет, мой старый друг... Еще нет.

С этим Смерть ушла.

У нее все еще было много дел.

Глава 1

Четверг, 1 февраля 1989

Индикаторы громко щелкали, формы освещались и потом снова возвращались в тень, как будто невидимая публика зажигала спички в темноте. Когда долговязый силуэт махнул ему, детектив-сержант Бенджамин Чеймберс повернул в Гайд-парк. Фигура в темно-зеленой куртке Департамента парков, попавшей в свет фар, поспешила к воротам и начала возиться с замком. Справившись с замерзшим металлом голыми руками, встречающий жестом пригласил его следовать за ним и заторопился вперед.

Чеймберс подавил зевок, переключил передачу и отправился дальше по неухоженной подъездной дороге, где влажный бетон сменился утрамбованным льдом.

– Не сбей его... Не сбей его, – тихо бормотал он, чувствуя, что машина все ускоряется, и совсем не имея уверенности, что сразу затормозит, если его провожатый вдруг решит остановиться.

Внезапно мужчина впереди потерял равновесие и тут же исчез где-то под капотом. После раздавшегося нервирующего шлепка тормоза завибрировали под ногами, когда машина остановилась. Чеймберс, поморщившись, наклонился вперед и стал тревожно смотреть за капот... Но вскоре между фарами появилось радостное лицо, а подсвеченный бейджик на груди получил возможность огласить своего хозяина: «Деано».

– Извините! – помахал мужчина, вставая на ноги.

– Вы извиняетесь? – пораженно отозвался Чеймберс, качая головой.

– Это как раз за теми деревьями! – крикнул Деано, не научившись на своей ошибке и снова занимая свое место в трех неосторожных шагах перед машиной.

Чеймберс нерешительно продолжил движение. Стараясь держаться на почтительном расстоянии, он наконец-то добрался до патрульной машины, в которой двое полицейских укрывались от холодного ветра. Припарковавшись, он почувствовал, что замерз, стиснул зубы, вылез и стал плотнее закутываться в пальто под удивленным взглядом его гида из Департамента парков.

– Никогда раньше не встречал черного детектива, – сказал он Чеймберсу, который, впрочем, никак не отреагировал на этот банальный комментарий.

– Все бывает в первый раз. Хотя если вы спросите меня, я скажу вам, что кожа у меня очень, очень, очень темно-коричневая, – саркастично ответил он, уже оглядываясь в поисках тела.

– Верно, – хихикнул Деано. – Наверное, поэтому вы и детектив.

– Наверное, – согласился Чеймберс, теперь хмурясь, видя только скопление отпечатков ног вокруг каменного основания статуи.

– Все дело в деталях... деталях, вроде: где тело, которое я должен осмотреть?

В этот момент хлопнула дверца машины – один из полицейских наконец-то собрался с силами снова выбраться наружу. С его грязно-светлыми прилизанными назад волосами он выглядел максимум на двадцать один, что делало его по меньшей мере на десяток лет младше Чеймберса. Засунув в карман остатки плитки шоколада, он подошел пожать детективу руку.

– Детектив-сержант Чеймберс? – спросил он с акцентом южного Лондона. – Адам Винтер. А это... – он показал на свою партнершу, смахивающую на викинга хмурюю женщину с фигурой, подобной древесному стволу, – Райли.

Полицейская коротко кивнула и снова сосредоточилась на том, чтобы не замерзнуть насмерть.

– На самом деле мы уже встречались, – продолжил Винтер, – в том деле с самоубийцей.

Чеймберс кивнул: «С...»

– Штукой.

– И с...

– Штукой.

– Я помню.

Беседа прервалась, когда резкий порыв ветра пронесся между деревьями и обоим мужчинам потребовалось мгновение, чтобы взять себя в руки.

– Господи, – заныл Винтер, подрагивая от холода.

– Так, мне сказали, что вы нашли тело под статуей, – небрежно произнес Чеймберс, практически уверенный, что приехал зря. – Наше начальство как испорченный телефон, – пошутил он, никак не возлагая вину на молодого констебля – у него и без того достаточно врагов.

– Без шуток, – ответил Винтер, подводя его ближе к десяткам отпечатков на поросшей травой почве.. – Эммм... Тело не под статуей... Тело и есть статуя.

Чеймберс скептически вскинул брови и поднял взгляд к закованной в лед фигуре, взгроможденной в десяти футах над ними на каменном пьедестале.

– Впервые его заметила бегунья примерно в одиннадцать тридцать.

Чеймберс взглянул на часы.

– ...утра, – уточнил Винтер. – Одиннадцать тридцать утра.

Теперь еще более растерянный, Чеймберс отступил на несколько шагов, чтобы разглядеть вид. Он прищурился, глядя на то, что все еще казалось ему произведением искусства, подпорченным погодой. На грубой каменной плите сидела мускулистая мужская фигура, оперев подбородок о костяшки правой руки, словно в глубоких раздумьях. На открытых участках встопорщенные ветром сосульки буквально покрывали его кожу, подобно меху с длинным ворсом, а в более укрытых местах кожа имела нечеловеческий синеватый оттенок.

Чеймберс не выглядел убежденным, когда Винтер продолжил:

– Сказала, что она пробежала мимо этих статуй сотни раз, никогда их по-настоящему не замечая, но сегодня что-то показалось ей другим. Она прокручивала это у себя в голове весь день, пока не вернулась вечером и не убедилась – что-то действительно не так. В первую очередь то, что это замерзший труп.

– И он пробыл здесь весь день? – спросил Чеймберс, обходя основание, чтобы получше оглядеть его. – И никто не заметил?

– А вы бы заметили?

– ...До сих пор нет, – признал он, щурясь на статую.

– Я думаю, – подала голос устрашающая коллега Винтера, имя которой Чеймберс уже забыл, – мы можем записать это как номер семь миллионов и первый «странный способ самоубийства». Это достаточно распространено в парках. Но опять же, что я знаю? Это решать вам с вашей бесконечной мудростью.

Женщине он явно не нравился, но Чеймберс слишком замерз и устал, чтобы отреагировать.

– Вы ее извините, – попросил Винтер, качая головой в сторону своей партнерши. – Зато она прелесть, если узнать ее получше, не так ли, Ким? – позвал он, получив в ответ средний палец.

– Вы туда поднимались? – спросил у него Чеймберс.

– Не хотел вторгаться на место преступления, – улыбнулся Винтер, безупречно используя оправдание. – Кроме того, знаете, мы подумали, что он никуда не денется.

Чеймберс согласно вздохнул:

– Много не сделаешь без лест...

– Она встроена в основание, – услужливо сообщил ему подслушивающий Деано. – Сзади.

Винтер даже не попытался скрыть ухмылку. Чеймберс тем временем выглядел так, будто готов заплакать.

– ...Отлично.

Подъем по пятнадцати ступенькам показался ему намного длиннее, кусачий ветер набирал силу с каждым преодолеваемым дюймом, пока Чеймберс забирался на плоскую вершину пьедестала, зажав карманный фонарик в зубах.

Находившаяся в тот момент спиной к нему, фигура казалась такой же неподвижной и идеальной, как с земли. Осторожно подползая к ней, он вынул фонарик изо рта, обводя лучом матовый лоск тела, все еще не уверенный, на что смотрит... пока он не дошел до сгиба локтя статуи: сморщенного участка синей кожи, но, бесспорно, кожи. Чеймберс отчасти ожидал этого, однако все равно опешил и выронил фонарик, который скатился с подиума и кувыркнулся в воздухе, как падающая звезда.

– Черт, – прошептал он немного пристыженно.

– Там все нормально? – крикнул Винтер.

– Да! – ответил он, осторожно поднимаясь на колени, чтобы взглянуть на замерзшее лицо в свете луны.

Он был красив, как кинозвезда, практически безупречен. Чеймберс даже подумал, что, возможно, он был актером. Это точно подходило к жаждущей

внимания ментальности, которая требовалась, чтобы забраться на подиум и позировать, пока не окоченеешь.

Чувствуя себя более уверенно, Чеймберс встал на ноги, чтобы рассмотреть какие-то отличительные знаки или приметы, и наклонился, приблизив лицо на несколько дюймов к статуе так, что пар его дыхания отражался от блестящей кожи.

Что-то не так... Что, он определить не мог... Может, что-то с глазами? Голубые, как лед... Напряженные... Пронизывающие... Не остекленелый взор пустого сосуда.

Он глядел в них, зачарованный... когда его схватили.

Инстинктивно отшатнувшись назад, Чеймберс вырвал руку из хватки и почувствовал, что падает. Когда он ударился о землю, из него вырвался резкий выдох.

– Детектив! – закричал Винтер, подбегая первым.

– Он... – прохрипел Чеймберс, глядя в ночное небо. – Он...

– Что? Я вас не понимаю. Просто не двигайтесь! – Винтер повернулся к своей партнерше: – Вызови «Скорую»!

Чеймберс попытался встать.

– Пожалуйста, сэр. Не двигайтесь! – продолжил Винтер.

– Он... Он все еще... жив! – выпалил Чеймберс, ложась обратно и с трудом дыша. Тем временем ужас на лицах сменился на лихорадочные действия.

И все это время он просто лежал, не в состоянии делать ничего, кроме как смотреть на мигающие звезды и трагическую, но сюрреалистично красивую фигуру над ним.

Винтер все-таки накинул свою куртку на плечи неподвижного человека, хотя и понимал, что такое проявление милосердия сродни тому, чтобы бросить губку в цунами. Они попробовали его передвинуть, но обнаружили, что большинство его суставов не разгибались, а неудобная поза предотвращала любые попытки спустить его без посторонней помощи. И поэтому Винтер остался там рядом с ним, монологом бормоча заверения и ложные обещания, заполняющие время, пока вслед за Деано из-за деревьев не появилась вереница синих мигалок.

Чеймберс поднялся на ноги как раз вовремя, чтобы убраться с дороги. С помощью подъемника двое пожарных накрыли замерзшего мужчину одеялами, прежде чем переместить его с плиты на кресло-каталку. При этом поза их пациента практически не изменилась. Как только его со скрежетом опустили на землю, они передали его парамедикам, которые поспешно укатили его в «Скорую».

– Надеюсь, вы не планируете спать ближайшие полгода, – сострил Винтер, присоединяясь к Чеймберсу, наблюдающему, как команда скорой помощи торопливо подсоединяет оборудование. – Кажется, я сегодня капитально облажался.

Чеймберс не ответил. На самом деле, болтливый полицейский был ему симпатичен, но оспорить его точную оценку своих действий казалось трудной задачей.

– То есть мы приехали на час раньше вас, – продолжил Винтер. – Мне нужно было туда подняться... не так ли?

Чеймберс повернулся к нему. Будучи и старше, и мудрее, он подумал, что это один из тех идеальных моментов, чтобы преподнести юноше перл мудрости, который он пронесет через предстоящие годы.

– ...Ага.

Винтер явно корил себя за это, но все равно сменил тему:

– Признаков борьбы нет?

– Я не видел.

– Кто бы мог сделать с собой что-то подобное?

Чеймберс собирался ответить, когда из машины «Скорой» послышался крик:

– Дефибриллятор!

Монотонный звук пронесся над поляной, пока толпа спасателей беспомощно наблюдала.

– Готово!

– Разряд!

Тело едва вздрогнуло, несмотря на прошедший сквозь него электрический заряд.

– Пульса нет!

– Заряжается!

Пока другие наблюдали за развитием неизбежных событий, Чеймберс отвернулся от тщетных попыток реанимации и подошел к опустевшему подиуму.

– Итак, что вы думаете? – спросил Винтер, следуя за ним. – ...Детектив Чеймберс?

– Кто бы смог сделать с собой что-то подобное? – пробормотал он в ответ, все еще погруженный в раздумья, тем временем исследуя следы вокруг большого каменного основания. – Это радикально. Несомненно. И все же такое чувство, что это как-то... – он подыскивал правильное слово, пока мужчина, которого они обсуждали, умирал в двадцати метрах от них, – небрежно.

– Небрежно? – слегка потрясенно переспросил Винтер.

– Та бегунья могла позвонить двенадцать часов назад, – объяснил Чеймберс, глядя на деревья, словно там кто-то был. – Все могло быть совсем по-другому.

– Правда.

– И почему здесь? – продолжил он. – Это видное место, но оно также загорожено деревьями почти со всех сторон и на высоте десяти футов. Если задумка состояла в том, чтобы уйти величественно, почему не забраться на колонну Нельсона или, по крайней мере, сделать это в более людном месте?

– ...Небрежно, – сказал Винтер, восхищенно глядя на детектива.

– Небрежно, – кивнул Чеймберс, наконец-то отрывая взгляд от деревьев.

Когда безуспешный массаж сердца прекратился, Винтер вздохнул:

– Полагаю, он все же получил желаемое.

– На самом деле, – сказал Чеймберс, присев поближе изучить пару следов, – я не уверен, что это так.

Глава 2

Пятница

– Детектив?.. Детектив? – Чеймберс резко проснулся, схватил женщину за халат и уставился на нее широко раскрытыми глазами.

– Boy! Boy! – сказала доктор Сайкс, главный судмедэксперт Скотленд-Ярда. Оглядев свое блеклое окружение, он отпустил доктора и потер лицо.

– Извините.

– Ничего страшного, – улыбнулась Сайкс, которой оставалось всего год или два до пенсии и она могла бы обойтись без нападений с утра пораньше. – Долгая ночь?

– Можно и так сказать, – ответил Чеймберс, как обычно скупой на слова.

– Вы скоро закончите?

Он взглянул на свои часы:

– Два часа назад.

Сайкс вскинула брови:

– Как насчет чашки кофе?

Официально взяв ответственность за пациента, команда скорой помощи действовала по протоколу и отвезла оттаивающее тело в больницу Святой Марии, а это означало, что Чеймберс потратил остаток своей смены на попытки добиться, чтобы его переместили в лабораторию для тестирования. В конце концов добившись успеха, он заснул на одном из пластиковых стульев в коридоре, пока его не разбудила именно та, кого он ждал.

– У меня уже завал, – сказала Сайкс в перерыве между глотками кофе. – Лондон был особенно богатым на убийства на этой неделе.

– Взгляните на дело. Это все, о чем я прошу.

– Детектив, я...

– Просто взгляните.

С явным раздражением судмедэксперт отставила чашку и взяла копию отчета о происшествии и прилагающуюся форму из «Скорой помощи». Она нахмурилась, просматривая первую страницу.

– Странный случай, скажу я вам, – признала доктор, прочтя документы. – И вы подозреваете, что это преступление?

– Просто догадка.

– Я не могу обещать многого, – сказала ему Сайкс, кладя документы себе на колени и ожидая объяснения.

– Я... – заколебался Чеймберс. Он еще не успел полностью разобраться в собственных мыслях. – На месте происшествия были десятки следов, но ни одного, оставленного босой ногой. Я отправил офицеров прочесывать округу всю ночь напролет и обыскивать ближайшие мусорные баки. Ни обуви, ни одежды найдено не было.

– В соответствии с вашим отчетом он был там по меньшей мере двенадцать часов. Этого времени вполне достаточно, чтобы следы повредились или полностью исчезли. Вчера была плюсовая температура?

– Едва.

Доктор пожала плечами, словно говоря: «Ну вот».

– Я не понимаю, как он мог так далеко зайти голышом в лондонский парк незамеченным.

– Случались и более странные вещи, – сказала Сайкс, которой, похоже, очень нравилась роль адвоката дьявола.

– Ладно. Это возможно.

– Не мог ли он где-нибудь закопать свою одежду?

Чеймберс собирался отвергнуть эту теорию, но затем решил, что это на самом деле очень хорошее предположение. Он откинулся на стуле и снова потер свое уставшее лицо, чувствуя, что проигрывает в этой битве.

– Ладно, ладно, – сказала Сайкс. – Я взгляну на него сегодня утром. Идите домой. Отдохните. Позвоните в обед.

Чеймберс одарил ее изможденной улыбкой:

– Я ваш должник.

По глупости Чеймберс подумал, что перед уходом навеститься на свое рабочее место, до которого ему не удавалось добраться всю смену, было хорошей идеей. Он вошел в офис и обнаружил, что кто-то нашел применение потрепанным рождественским декорациям, водрузив пятифутового снеговика на его кресло и укрыв его компьютер одеялом ваты. Выжидающие лица разразились смехом, когда он открыл верхний ящик своего стола и обнаружил, что он набит искусственным снегом. Изобразив улыбку, он подыграл остальным, несмотря на то, что уровень бардака граничил с коварным умыслом.

– Пригнись. Пригнись. Пригнись, – предупредил детектив-инспектор Грэм Льюис, когда-то бывший вежливым юным офицером, а теперь являвшийся одним из немногих оставшихся у него друзей. – Босс тебя ищет.

Чеймберс сгорбился за безвкусным снеговиком, когда Льюис с учтивой улыбкой сказал:

– Доброе утро, босс.

– Не будь таким лизоблюдом, Льюис.

– Хорошо, сэр... Ладно. Он ушел.

Распрямляясь, Чеймберс махнул рукой в сторону стола:

– Я так понимаю, ты уже слышал?

– Ты же знаешь, здесь молва распространяется быстро, – кивнул Льюис. Он колебался, так как ему практически всегда выпадала участь приносить плохие новости, предостерегать его о бюрократическом дерьме, которое скоро свалится

на его друга. – Ты поднялся, чтобы осмотреть тело в ту же секунду, когда решил, что это безопасно. Что бы ты ни делал, не говори «Я думал, он мертв», или «Он выглядел мертвым» или что-либо из этого разряда. За это полетят головы, и Хэмм будет замахиваться на твою. Теперь убирайся отсюда, пока он...

– Чеймберс!

– Черт, – прошептал Льюис.

– Да, босс? – отозвался Чеймберс через комнату. Его коллеги сидели с такими же язвительными лицами, очень желая узнать, когда и как он подошел к стране чудес на своем рабочем месте.

– В мой кабинет! Сейчас же!

– В ту же секунду, когда решил, что это безопасно, – тихо напомнил ему Льюис.

Главный детектив-инспектор Хэмм занимал эту должность восемнадцать месяцев. Это достаточно короткий период для того, чтобы его близкие друзья на вышестоящих должностях и бывшие сослуживцы уже стали считать его одним из своих и эти давние связи могли предотвращать любую критику в сторону очевидного фаворитизма и сомнительных критериев повышения. Хэмму хватило здравомыслия, чтобы поубавить свое неприкрытое недовольство и оскорбительное поведение в сторону Чеймберса со времени вступления на должность, что только сделало его нападки менее предсказуемыми.

– Садись, – сказал Хэмм, и Чеймберс послушался. – Ну... какого хрена?

– Все описано в отчете, сэр. – Чеймберс поморщился, он не хотел, чтобы это прозвучало настолько саркастично. – Я прибыл на место, где мне объяснили ситуацию. В тот момент, как я решил, что это безопасно, я забрался наверх к жертве.

– Жертве? – фыркнул Хэмм, чавкая жвачкой, которая, казалось, всегда была у него во рту. – «Никаких признаков травмы» и он просто там сидел, он очевидно сам это с собой сделал. Это все равно что я бы назвал свою толстую задницу «жертвой» моей любви к KFC.

– Тогда к «погибшему», – сказал Чеймберс. – Я убедился, что он был еще жив на тот момент, и немедленно потребовал вызвать «Скорую».

– Ага, – сказал Хэмм, выпучив глаза и выискивая в своем подчиненном любые признаки слабости или сомнения.

– При всем уважении, сэр, – Чеймберс снова поморщился: ему нужно было перестать это добавлять, – я закончил смену два с половиной часа назад. У меня нет сил.

После ребяческой попытки переглядеть его Хэмм пренебрежительно махнул ему:

– Тогда иди.

Встав, Чеймберс потянулся к дверной ручке.

– И последнее, – выпалил Хэмм, останавливая его. – Что ты думаешь об этом констебле Винтере?

Руководству явно хотелось кого-то наказать. Лицо Чеймберса осунулось. Он заставил себя выглядеть невозмутимым и повернулся к своему боссу:

– О ком?

– Об Адаме Винтере. Он записан у тебя в отчете как первый офицер, прибывший на место, – сказал Хэмм, поднимая папку со своего стола.

– А. Наполовину первый, – сказал Чеймберс. – С ним была напарница.

– Не имеет значения. Это была работа Винтера... Так что?

Чеймберс быстро обдумал свои немногочисленные варианты.

– Некомпетентен, – жестко ответил он. – У меня самого возникала мысль написать на него жалобу. Типичный детектив-аматор – он не способен отставить

в сторону собственное эго даже для того, чтобы справиться с элементарными вещами. Я настоятельно рекомендую вам проследить, чтобы его уволили за этот бардак.

Хэмм выглядел слегка удивленным его бесстрастной реакцией:

– Да ну?

– Да... сэр, – сказал он, на этот раз уже специально.

– Что ж, я однозначно приму твой совет к сведению. Можешь идти.

Чеймберс кивнул и закрыл за собой дверь, надеясь, что его губительное мнение об офицере убедит их начальника принять правильное решение.

В 10:35 утра Чеймберс ввалился в свой лофт в Камдене. Это было его несчастливое, но вовремя перешедшее к нему наследство, жилище, которое стало полезной подмогой среди завышенных цен лондонского рынка недвижимости. С урчащим от голода желудком он пошел на кухню, где обнаружил записку на дверце холодильника:

Пришлось уйти. Спокойной ночи

Е:*

Он улыбнулся и, сняв записку, помедлил, прежде чем выбросить ее в ведро, чувствуя себя необъяснимо виноватым за то, что избавляется от чего-либо, оставленного для него Евой, пусть даже самого незначительного. Открыв ящик, он засунул ее под стопку инструкций к микроволновке и автоответчику, где, как он надеялся, она никогда ее не найдет.

– Что с тобой творится? – отругал он себя, устраивая набег на холодильник в поисках остатков еды, прежде чем отправиться в спальню.

Он только снял рубашку и закончил чистить зубы, когда зазвонил телефон. В своем изможденном состоянии он забыл отключить его из розетки. С тоской взглянув на кровать, он прошел обратно по коридору и взял трубку.

– Да?

– Детектив? Это Шарлотта Сайкс... с работы.

– А, здравствуйте, – сказал Чеймберс, гадая, как судмедэксперту удалось достать его номер.

– Извините, что беспокою вас дома. Мы можем поговорить позже, если хотите.

– Нет. Все в порядке, – зевнул он, вытягивая свободную руку, чтобы схватиться за деревянную балку над головой.

– Я просто подумала, вы захотите сразу узнать, что вы были абсолютно правы.

– Прав? В чем?

– В своей догадке. Потому что физически нет ни одного возможного способа, как этот мужчина мог совершить самоубийство... Кто-то сделал это с ним.

Чеймберс потер пощипывающие глаза. Он так устал.

– Я сейчас приеду.

Глава 3

Чеймберс задремал в метро и прозевал свою остановку. Недовольный собой, он сошел на «Виктории» и пешком пробрался по замерзшему городу, по улицам, покрытым грязной слякотью, под ветром, продрогнув от речного холода и затерявшись в лабиринте серых зданий. Пройдя охрану в Скотленд-Ярде, Чеймберс был встречен вопросительным взглядом Льюиса, поспешившего через

лобби, чтобы перехватить его.

– Что ты опять здесь делаешь? – раздраженно спросил он. – Уходи! Босс может тебя неправильно понять.

– Снова? – пожаловался Чеймберс.

– Да. Снова. Иди домой.

– Не могу. Но я постараюсь не попадаться ему на глаза.

Качая головой, Льюис отступил в сторону, чтобы пропустить друга.

Применив тактический, но энергозатратный ход, Чеймберс поднялся по лестнице. Ему нужно было избегать не только главного детектива-инспектора Хэмма, но и всю его сеть подчиненных-доносчиков. Убедившись, что горизонт чист, он поспешил по коридору к лаборатории судмедэкспертизы и постучал в дверь в самом конце, помрачнев, как только переступил порог.

– Дерьмо.

– В самом деле, дерьмо, – согласился Хэмм, прерывая свой разговор с доктором Сайкс, чтобы напуститься на Чеймберса. – Я получил запрос на сверхурочные, после твоего ухода. Как оказалось, двоим техникам было приказано перевезти несрочное тело через весь город за несколько минут до окончания их смены. – Чеймберс открыл рот, но Хэмм перебил его: – На что я сказал: «Здесь какая-то ошибка. Ни один из моих детективов не является настолько тупым или неуважительным, чтобы сделать подобное без моего разрешения». Не так ли, Чеймберс?

– Не я составлял их расписание... сэр, – ответил он, более вспыльчивый от нехватки сна. – У них есть работа. Я попросил обоих ее выполнить.

Демонстрируя, насколько это вне его полномочий, Хэмм резко толкнул Чеймберса. Затем он подошел до неприличия близко, несмотря на то, что был на полфута ниже высокого детектива.

– Хочешь, чтобы я тебя отстранил прямо здесь и сейчас?

– ...Нет, сэр.

– Мальчики! Мальчики! Мальчики! – окрикнула их Сайкс. Эта матриархальная женщина при необходимости становилась довольно угрожающей.

Все еще свирепо глядя на Чеймберса, Хэмм отступил.

– Затем я узнаю, что ты заставил нашего главного судмедэксперта работать над твоим поганым делом о самоубийстве, вместо того чтобы дать ей возможность заняться четырьмя убийствами, которые мы взяли только за вчера!

Чеймберс спокойно отер брызги слюны с лица.

– ...Пять.

– Что-что?

– Пять убийств, – поправил его Чеймберс, бросив взгляд на Сайкс.

– Он прав, – поддержала его доктор. – И из-за... состояния тела нам нужно было действовать быстро. Чем больше оно оттаивает, тем больше улик мы рискуем упустить.

Хэмм все еще выглядел взбешенным, но уже было ясно, что оценка доктора немного приглушила его пыл. Он повернулся к Чеймберсу:

– Еще раз сделаешь что-то у меня за спиной, мальчик, и тебе нахрен конец...
Понял?

– Да, сэр.

На этой ноте Хэмм вылетел из комнаты, оставив Чеймберса и Сайкс наедине с телом. Они встали по обе стороны от металлического стола, где ледяной отблеск на коже мужчины сменился пятнами обморожения, а фаланги двух пальцев

левой руки почернели.

– Обморожение, – пояснила Сайкс, когда заметила взгляд Чеймберса. – Я полагаю, это само собой разумеется, что у него было критическое переохлаждение, когда вы добрались до него, его органы едва функционировали для жизнеобеспечения. Потом вмешалась команда «Скорой» и разогрела его слишком быстро, его организм не выдержал. Впрочем, скорее всего, результат был бы таким в любом случае. Мне нужно вам кое-что показать. Помогите его перевернуть.

Натянув одноразовые перчатки, они с трудом подняли тяжелый труп достаточно, чтобы открыть красную точку на затылке.

– Видите след укола? – риторически спросила Сайкс, уже перестав поддерживать тело. – Ему что-то вкололи... слегка неприятный коктейль, судя по всему. Я все еще пытаюсь выяснить, что к чему. Что может быть объяснено таблетками для похудения, протеиновыми добавками или злоупотреблением стероидами. Признаю, что это предосудительная, но обоснованная догадка, глядя на его размер.

– Логично, – согласился Чеймберс.

– Однако чего однозначно не должно было быть в его системе, так это значительного уровня панкурония бромида. – Чеймберс, естественно, выглядел растерянно. – Его используют при операциях, когда пациент в сознании, но не должен совершать ни малейшего движения. Невозможно даже прикинуть, какую дозу он получил, не зная точного времени и учитывая экстремальные температурные условия.

– Он точно не мог вколоть себе это сам? – спросил Чеймберс.

– Не было упоминаний о найденных на месте иглке или ампуле, и я не думаю, что ему объективно хватило бы контроля над своими конечностями, чтобы откинуть их на какое-либо расстояние. Я предполагаю, что жертва была в состоянии дремы – в сознании, но полностью податливой, способной поддерживать достаточный мышечный тонус только для того, чтобы оставаться в позе, приданной убийцей.

– А потом он ушел, оставив его замерзать насмерть. Это извращение.

– Нам здесь редко попадаются хорошие истории, – пожала плечами Сайкс. – Уже знаете, кто он?

– Еще нет. Но мы решили, что хорошей идеей будет начать с тренажерных залов и развлекательных центров.

Заметив что-то, Чеймберс наклонился поближе изучить костяшки правой руки трупа, где на поврежденной морозом коже красовалась открытая рана, непохожая на другие.

– Клей, – сказала ему Сайкс, опережая его вопрос. – Похожие следы есть под подбородком, на левом предплечье, колене и обеих ягодицах. Грубая работа, но... – Она замолкла. – Ну, первые впечатления?

– Подозреваемый – мужчина... вероятно. В любом случае, достаточно сильный, чтобы переместить двести фунтов этого парня. Похоже на личные счеты, судя по тому, что его опозорили, раздели догола, расположили на виду, с какой жестокостью его оставили там страдать. Это было спланировано... организовано... и все же выполнено со страстью.

Сайкс согласно кивнула:

– Полагаю, нам остается только надеяться, что у него нет других врагов. – Когда Чеймберс повернулся к доктору с озабоченным выражением лица, она неловко улыбнулась: – Просто говорю.

– Следующая станция – «Хай Барнет», конечная. Всем выйти из вагона, пожалуйста. Всем выйти из вагона.

Чеймберс рассеянно оглядел пустой вагон: «Вот хрень».

В конце концов, выходя из лифта в Камден-Тауне, Чеймберс взглянул на часы и недовольно обнаружил, что у него осталось всего четыре часа десять минут до того, как его будильник снова будет поднимать его на работу. Чувствуя себя

болезненно голодным, он направился напрямик в KFC. По какой-то причине ему сегодня хотелось этого с самого утра, после разговора с боссом.

Вооружившись скидочным бакетом, он уселся поесть на парковую скамейку, чтобы Ева не унюхала запах в квартире и не прочитала ему очередную лекцию о его вечно растущей талии. Наполовину завершив пиршество, он осознал, что его еда даже подостыла, пока он глазел на заледенелый пруд, мыслями все еще на работе, в компании оттаивающих трупов и пустых пьедесталов. Он оглянулся на телефонную будку, покачал головой и затолкал в рот еще жареной картошки, намеренный не поддаваться...

– Ненавижу себя, – пробормотал он, роняя недоеденную ножку в бакет и направляясь, чтобы втиснуться в узкую красную будку. Свободной рукой он снял трубку и неуклюже набрал номер участка.

– Это Чеймберс. Соедините меня с тем, кто работает над моим сегодняшним делом с ледяным человеком, – сказал он и заполнил последующую паузу еще одной порцией картошки. – Да, насколько мы продвинулись в идентификации жертвы?.. Ага. Ну, продолжайте. У нас кто-то еще дежурит в парке?.. Хорошо. Скажите им заново все обыскать на предмет иголок, ампул, чего-либо медицинского... Я знаю. Можете свалить вину на меня. Нам также нужно найти все места, поставляющие панкурониум бромид... Нет, панку... Я продиктую по буквам.

С трубкой в одной руке и бакетом в другой он попытался выудить из кармана блокнот, рассыпал остатки курицы по полу.

– Зараза!.. Это я не вам. Я уронил свой завтрак... ужин? Я даже не знаю. Название: П-А-Н-К-У-Р-О-Н-И-У-М. Записали?.. И последнее: мне нужно, чтобы вы узнали, кто присматривает за статуями в парке. Почему тот постамент пустовал? Есть ли у них для него скульптура? Или убийца скрылся с ней? Нам нужно узнать... Пока это все... Да, в семь. Ладно. До свидания.

Нагибаясь, чтобы подобрать остатки курицы обратно в бакет, он снова невольно взглянул на часы – всего три часа сорок пять минут.

В 18:37 Чеймберс, как и собирался, вышел из метро на «Набережной» и отправился на короткую прогулку до нового Скотленд-Ярда. Успешно преодолев подземный лабиринт в такое время, он был особенно доволен собой, но ненамного более отдохнувшим, чем когда уходил ранее днем. На нем сказалась непрактичность дневного сна в виде снова невыключенного телефона, сработавшей в соседнем здании пожарной сигнализации и пары Свидетелей Иеговы, которые подошли ко встрече с этим самым Иеговой намного ближе, чем, вероятно, осознавали. Сдавшись, он рассыпал горсть листов салата поверх содержимого мусорного ведра и перед уходом написал Еве записку, которую прикрепил к холодильнику. Эти наскоро выведенные группки слов были их единственным способом коммуникации, когда он попадал на несколько ночных смен подряд.

– Генри Джон Долан, – объявила молодая детектив-констебль, пока Чеймберс убирал снеговика Фрости со своего кресла. – Наша жертва. Фитнес-инструктор, танцор массовки и незначительная знаменитость. Вы, несомненно, помните, его роль «Мускулистого мужчины номер пять» в том эпизоде «Мыслителя»?

– Ах, тот Генри Джон Долан! – лукаво уточнил Чеймберс.

– Завтра я буду допрашивать его девушку. Однако ни иголок, ни ампул мы не нашли.

– А что со статуями? – спросил у нее Чеймберс, запихивая вату из ящика в мусорное ведро и тихо чертыхаясь.

– Все сложно. Эта принадлежит Королевским паркам и Городскому совету, делегирующим работу частным фирмам. – Констебль передала ему клочок бумаги. – Кто-то будет на месте до одиннадцати, если вы решите туда наведаться.

Взглянув на адрес, Чеймберс кивнул:

– Пожалуй, этим я и займусь.

Снаружи «Слип и Ко. Решения по реставрации и консервации» не выглядела подходящим учреждением для хранения одних из самых ценных произведений искусства в стране – просто безымянная ролловая дверь, встроенная в старую железнодорожную арку на Хакни Хай-стрит. Выбрав случайное место, Чеймберс громко постучал, чтобы его было слышно за ревушим внутри радио. Он поднял взгляд на камеру над дверью, затем заметил две другие неподалеку, когда музыка стихла.

– Кто там? – послышался голос.

– Детектив-сержант Бенджамин Чеймберс, Столичная полиция.

– У вас есть удостоверение?

– Да.

– Покажите его в камеру, пожалуйста.

Закатив глаза, Чеймберс достал свою идентификационную карту и поднял ее над головой.

– Ближе, пожалуйста.

Ворча, он сильнее вытянул руку, вставая на цыпочки, когда металлическая дверь наконец-то с грохотом открылась и перед ним предстал странный низенький человек. Ему, похоже, было за пятьдесят, и он смахивал на циклопа с одним глазом, расширенным увеличительным стеклом, закрепленным на кожаной повязке. У него была лысая, как у монаха, макушка, а одет он был в замасленный фартук, почти такой же неряшливый, как его лицо и руки.

– Извините. Осторожность никогда не помешает, – сказал мужчина, тревожно оглядывая улицу, прежде чем пригласить его войти. Затем он закрыл дверь, запирая ее за ними. – Тобиас Слип, – представился он, с интересом разглядывая Чеймберса.

Освещение внутри индустриального помещения было тусклым. Четыре огромные статуи возвышались на деревянных постаментах, в свете фонарей,

направленных прямо на них, как в галерее. В такой интимной обстановке они казались еще более внушительными. Чеймберс прошелся между ними, вбирая мелкие детали: замысловатые складки, придающие динамичности бронзовым одеждам, слишком знакомые линии, вырезанные на усталых от мира лицах. И с нетерпением представил, как доберется домой, чтобы сказать Еве, что он наконец-то «понял искусство... или что-то в этом роде».

– Вы работаете здесь один? – спросил Чеймберс, неторопливо обходя помещение кругом, подмечая разнообразие инструментов, выложенных на рабочей поверхности, обесцвеченную бутылку таблеток, обклеенную красными предостережениями, и простой подъемный механизм, возведенный в центре комнаты, с пустой веревкой, свисающей в виде ожидающей петли.

– Последние тридцать два года.

– Могу поспорить, работа тяжелая, – прокомментировал он, поддерживая разговор.

– Не то чтобы, если есть правильные инструменты, – ответил мужчина, не сводя взгляда с расхаживающего гостя.

– И вы здесь живете?

– Иногда... Пожалуй, достаточно личных вопросов, спасибо.

Чеймберс улыбнулся, возвращаясь обратно, чтобы присоединиться к нему.

– Извините, всегда хотел заниматься чем-то творческим. Я отвлекся. Которая из них – статуя для Гайд-парка?

Мужчина повернулся спиной к нему и четверем подсвеченным скульптурам, направляясь к темному углу комнаты. Чеймберс напрягся, наблюдая, как Слип проходит мимо рабочей поверхности, заваленной инструментами. Но потом, стягивая тяжелое старое полотно на пол, тот обнажил статую мужчины на коне, чья правая рука, похоже, была отбита. Глаза и всадника, и лошади были выцарапаны, а одна из ног животного лежала сломанная на коробке рядом.

– Вандализм, – объявил Слип. – Странно, что именно худшие аспекты человеческой натуры сохраняют мне работу... Что ж, – хихикнул он, – только посмотрите, с кем я разговариваю. Мне интересно, я предполагаю, вы, как и я, думаете о своей работе как о призвании... смысле вашей жизни? – Чеймберс молчал. – Скажем, в один день весь ваш тяжелый труд вдруг бы окупился, – все равно продолжил Слип. – Мир чудесным образом превратился бы в хорошее место, в воспетую утопию, к которой все мы стремились... В чем тогда было бы ваше призвание, детектив?.. А? Будем надеяться, что мы... наше коллективное лишение божьей милости продлится вечно... ради нас обоих.

Двое мужчин постояли мгновение в тишине под наблюдением слепых взоров статуй.

Прочистив горло, Чеймберс спросил:

– Вы самостоятельно забирали статую?

– Да.

– Когда?

– В понедельник... утром.

– И... кто это?

– Скульптура? Я думаю, это одно из менее известных изображений герцога Веллингтона.

– Статуи часто убирают из парков на починку?

– Почти никогда, только в крайних случаях. Но когда обнаружилось, что нога лошади пропала, статую признали небезопасной и меня попросили немедленно ее убрать.

– Рука была найдена? Я вижу только ногу.

– Нет. Меч тоже не нашли.

Чеймберс выглядел растерянным.

– Рука держала меч, – объяснил Слип.

– И кто-нибудь сейчас ищет виновного?

– Я подозреваю, что этот вопрос спишут на «мелкий вандализм», как обычно... Это же не труп, верно?

Чеймберс нахмурился и мгновение наблюдал за мужчиной, за странной улыбочкой, появившейся на его лице.

– Не прикасайтесь к ней больше. Я скоро пришлю криминалистов, чтобы снять отпечатки.

Теперь настала очередь Слипа внимательно разглядывать Чеймберса.

– Похоже, столичная полиция нынче более серьезно относится к вандализму.

Чеймберс встретился с ним взглядом, ничего не выдавая и заверил:

– В этом случае, да. Да.

Глава 4

Вторник

Лондонскому Тауэру редко удавалось остаться незамеченным, но Чеймберс был слегка удивлен, увидев его в окне с водительской стороны, осознавая, что он не в том ряду. Он ехал по городу на автопилоте, его мысли были слишком заняты застопорившимся расследованием, чтобы обращать внимания на яростные гудки, когда он кого-то подрезал.

Они узнали, что заказ на работу со статуей поступил за четыре дня до ее удаления, а до тех пор форт охранял отрезок желтой ленты, вскоре унесенный ветром. Отталкиваясь от предположения, что убийца был ответственен за повреждения, казалось справедливым, что он регулярно возвращался в парк, в надежде обнаружить выбранное место пустым. Полицейские опросили всех местных бездомных, работников Департамента парков и каждого владельца собак, на которых наткулись. Они также заполучили записи с каждой камеры видеонаблюдения, предоставляющей вид на парк, – все безрезультатно.

То же можно сказать и о жертве, Генри Джоне Долане, который пришел на свое обычное занятие в тренажерном зале в вечер перед убийством. Будучи человеком привычки, он также наведлся в ближайший маркет здорового питания «Эпплгуд» по дороге домой, судя по чеку, найденному в его мусоре. Это оставляло им еще четырнадцатичасовое окно между тем, как он вышел из магазина, прибыл домой и впервые был замечен бегуньей.

Ни одна из больниц, с которыми они связались, не доложила о необычной нехватке в запасах панкурониум бромиды, с учетом случайных потерь и ошибочного размещения. И когда поиск расширили, включив в него ветеринарные клиники и ряд специализированных стоматологических хирургических кабинетов, эта задача превратилась в затяжную проблему. Криминалисты тем временем обнаружили ошеломляющее количество отпечатков на статуе, учитывая, что она находилась всего в десяти футах над землей.

В довершение всего Чеймберс взял еще одно убийство и серьезное нападение вдобавок к и без того сокрушительной рабочей нагрузке, а Ева нашла записку с домашними «жирными» билтонгами, сделанными его матерью, которые он изобретательно спрятал в пустой масленке, задвинутой в глубь холодильника.[1 - Билтонг (афр. biltong) – разновидность вяленого мяса, пользующаяся популярностью в ЮАР и Намибии. – Здесь и далее прим. переводчика.]

В целом, последние несколько дней выдались не слишком хорошими, единственным просветом стало открытие, что убийце не нужно быть хорошо сколоченным мужчиной, как изначально предполагалось, так как увиденный Чейнберсом самодельный подъемный механизм несомненно мог значительно облегчить перемещение громоздкого трупа. К тому же Чеймберс как раз и встретился с таким вертлявым, плохо сложенным человеком, который уже имел

дело с подобным подъемным механизмом.

Чеймберс ударил по тормозам, случайно проехав на красный. Когда ругань на него из почти бесконечной процессии машин стихла, он решил, что ему отчаянно нужен кофе.

Припарковавшись, он только собирался выйти, когда зазвучало радио: «Всем подразделениям. Всем подразделениям. Есть кто-то поблизости от Бетнал-Грин? Я думаю, у нас может быть труп».

– Думаете, у нас может быть? – послышался в ответ угрюмый голос с акцентом уроженца Глазго. Затем говоривший сострил для своих слушателей: – Скажите им, если оно персиковое или коричневое, у него есть руки и ноги, и оно не встает, когда его спрашивают, труп ли он, то скорее всего это труп.

– Спасибо, детектив, – ответила диспетчер, с трудом сдерживая смех. – Звонивший не говорит по-английски.

Из динамиков донесся протяжный вздох.

– Ладно. Назначайте мне. – Последовала пауза. – Вы слышали? Вы можете назначить меня.

– Извините, – вернулась к нему диспетчер. Ее голос совершенно неожиданно звучал очень деловито. – Дополнительные детали: похоже, там может быть два трупа. – Затем она обратилась к кому-то на другой линии, и ее голос стал приглушенным и неразборчивым. – Они говорят что-то насчет клея... или что, может, их склеили вместе?

Чеймберс счел нужным ответить как можно быстрее, прежде чем кто-то другой смог заблокировать канал.

– Детектив-сержант Чеймберс, – представился он, схватив рацию из гнезда, заводя двигатель, включая мигалки и выезжая на дорогу. – Назначьте мне. Я уже еду.

– Ты уверен, Бен? – спросил шотландец.

– Я уверен. Передайте детали.

В этот момент четвертый голос, который Чеймберс был слегка удивлен услышать, присоединился к разговору:

– Это констебль Винтер. Мы будем подкреплением.

– Принято.

Будучи не в настроении для неизбежного спора, Чеймберс прибавил газу, несясь сквозь город на север.

– Piet?! Piet?! – горько восклицала темноволосая женщина, когда Чеймберс подъехал к ряду обветшалых коттеджей. Она заметила его, когда он заглушил двигатель, и поспешно подбежала к нему, с лицом, мокрым от слез, и ужасом в глазах. Она схватила его за пальто: – Piet?!

– Я огляжу его, – пообещал он, ступая к открытой двери. Но когда она не ослабила хватку, ему пришлось приложить силу, чтобы убрать ее руки.

– Нет. Нет. Нет. Piet?!

– Вам нужно пустить меня к нему, – твердо сказал он женщине, передавая ее обратно родственникам-подросткам и направляясь в дом.

Запах мгновенно ударил ему в нос: грязные лотки, телесные запахи и разложение. Спальня слева пустовала, поэтому он двинулся дальше по коридору, где его перехватил Винтер.

– Сержант, – кратко поприветствовал он Чеймберса.

– Констебль.

– Как вы можете понять по запаху, – начал он, пытаясь сдержать рвотный позыв, – у нас два трупа.

– На этот раз вы абсолютно уверены? – невозмутимо спросил Чеймберс, не потому, что хотел спровоцировать молодого человека, а просто потому, что он предоставил ему идеальную возможность для этого.

Винтера, похоже, это не впечатлило.

– Судя по всему, прошло по меньшей мере несколько дней. И...

– ...И?

– Как и говорили: их склеили вместе.

– Прикрывая рот и нос ладонью, он жестом позвал Чеймберса следовать за ним.

Они вошли в мрачную гостиную. Холодный ветер раздувал мусор у их ног, стеклянные двери были подперты, пока партнерша Винтера вышла на минуту. Стараясь глядеть на странную фигуру только краем глаза, Чеймберс собрался с силами...

И повернулся посмотреть.

В центре изношенного дивана сидела женщина лет тридцати, ее голову покрывало струящееся полотно, спадающее волнами на ковер. Тело мальчика-подростка лежало у нее на коленях, с головой, откинутой ей на руки, с проглядывающими сквозь кожу ребрами, обнаженное, за исключением узкой полоски ткани вокруг талии. Несмотря на то, что их нашли не сразу, и на запах, указывающий на обратное, их кожа имела здоровый оттенок.

– Абсолютно серьезно, вы точно проверили, что они мертвы, да? – спросил Чеймберс.

– Да! – оскорбленно ответил Винтер. – Пульса нет. Признаков дыхания тоже. Зрачки не реагируют.

Чеймберс удовлетворенно кивнул, затем натянул джемпер на лицо, чтобы вдохнуть.

– Склеены? – спросил он.

– Ее рука к его подмышке, его рука, ноги и голова... и ее затылок к стене.

– Гос-по-ди, – сказал Чеймберс, облакая руки в пару одноразовых перчаток. Осторожно ступая через струящийся по полу плащ, он оглядел затылок мальчика.

– Что-то ищете? – спросил его Винтер.

– Улики, – ответил он.

– А именно?

Не обнаружив следа укола, Чеймберс не ответил. Но потом нахмурился, заметив на своих перчатках бежево-коричневатую пудру. Затем он попробовал осторожно подвинуть голову женщины, но сдался, осознав, что ткань приклеили к скальпу, чтобы удержать ее в одном положении.

– Знаете, кто они? – спросил Чеймберс. В этот момент вечно сердитая партнерша Винтера протопала в комнату, держа в руках блокнот.

– Полагаю, вы уже встретились с соседкой по дороге сюда? – спросил она. Он кивнул. – Она зовет одного из них Питер или Пита, но по моим сведениям, это Николетт и Альфонс Котиллард. Мать и сын. И это их дом, – убежденно произнесла Райли и захлопнула блокнот, словно она только что раскрыла дело. – С другой стороны, она наложит кирпичей, когда узнает, что этот Питер в норме.

Чеймберс с Винтером смерили ее неодобрительными взглядами.

– Я нашла метадон в шкафчике в ванной, – продолжила она, не замечая. – Поглядите, какие они тощие. Не нужно быть гением, чтобы понять... хреновы торчки, – закончила она тоном, намекающим, что они получили по заслугам.

Чеймберс почесал голову и посмотрел на нее.

– На конверте в прихожей был штамп приемной комиссии Кэмбриджского университета, на стене спальни в рамке висит медаль юношеского чемпионата Великобритании, а тот факт, что под вашим огромным чертовым копытом лежит зажим для носа, указывает на... Он был пловцом. И чертовски хорошим, судя по всему.

Винтер сдержал улыбку, глядя, как его безмозглая партнерша поднимает ногу, обнаруживая погнутый кусок пластика, который она втоптала в ковер. Оскорбленная, пристыженная, впечатленная и удивленная, она стояла на одной ноге, глядя на детектива так, словно он только что применил колдовство.

– Вызовите сюда криминалистов, – сказал им Чеймберс, подмечая более бледные пятна кожи там, где он прикоснулся к жертве. – Я пойду за фотоаппаратом.

Он вышел из дома, пересекая сад.

– Детектив! Детектив!

Тяжело вздохнув, он повернулся лицом к Винтеру:

– Сейчас не время.

– Piet?!.. Piet?!

– Ради бога, – пробормотал он, глядя на то, как женщина бежит к ним. – Идите домой, – сказал он бессмысленно. – Может ее кто-нибудь забрать, пожалуйста? – спросил он у все увеличивающегося круга зрителей.

Все еще безутешную женщину увела заботливая пара.

Чеймберс покачал головой и посмотрел на Винтера:

– Прежде чем вы что-либо ска...

– В чем ваша проблема?

– Ладно. Прежде чем вы скажете что-либо еще... Проблемы нет, – сказал он Винтеру, застегивая пальто.

– Брехня. Я видел, что вы сказали обо мне начальству. Из-за вас меня чуть не отстранили!

– Ну, я рад, что этого не произошло, – улыбнулся Чеймберс, поворачиваясь, чтобы уйти, но молодой констебль необдуманно схватил его за руку. – Не... прикасайтесь ко мне, – выплюнул он клубом теплого дыхания.

Винтер отпустил его, но все равно продолжил говорить то, за чем вышел:

– Вы были там той ночью. Вы знали, в каких условиях мы работали. Любой бы подумал, что он мертв. Вы могли меня поддержать. Вы могли бы...

– Я спас вашу задницу, – перебил его Чеймберс.

– Что вы?... – начал он, безуспешно пытаясь выглядеть возмущенным.

– Вы сами сказали: они показали вам что-то, сказанное мной начальнику конфиденциально. Поэтому на чьей стороне, по-вашему, они были? – Винтер выглядел растерянным. – Они не могли свалить это на меня, поэтому начали искать других виноватых. Если бы я заступился за вас, они бы вас наказали просто в отместку мне. Вместо этого вы отделались всего лишь легким испугом за ошибку, достойную увольнения. Не за что.

– Значит, вы не считаете, что я «типичный детектив-аматор, не способный отставить в сторону собственное эго даже для того, чтобы справиться с элементарными вещами»?

– О, это я говорил серьезно, – пошутил Чеймберс, похлопывая расслабившегося Винтера по спине, когда громкая женщина снова выбежала из одного из домов.

– Piet?? – предугадал Чеймберс.

– Piet?, – кивнул Винтер.

– Piet?! – прокричала женщина, всовывая Чеймберсу в руки книгу, открытую на странице с фотографией ренессансного шедевра Микеланджело: юная Мария, держащая своего сына у себя на коленях после его распятия, в жутковато знакомой позе, – пятисотлетняя статуя, отображающая место преступления в двадцати футах от них.

– Вот дерьмо, – пробормотал Чеймберс.

– Что? – нетерпеливо спросил Винтер.

Чеймберс развернул книгу к нему, лицо Винтера тут же осунулось, сочетаясь выражением с детективом:

– Пьета.

Глава 5

– Бен?.. Бен?.. Бен!

– А?

– Ты вообще меня слушаешь?

Чеймберс непонимающе уставился на нее. Это был «вечер угощений», и они сидели за столиком в их любимом ресторане. Перед ним появилась курица с кокосом и лаймом, а блюдо Евы было уже наполовину съедено.

– Да, прости, – извинился он. – Я просто устал. Значит, с Полом все хорошо?

– Я тебе это рассказывала десять минут назад!

– А... Но все же?

– Я тебе не скажу, – ответила она, скрещивая руки на груди. В ее голосе появился ямайский акцент, как всегда, когда она злилась.

– Давай отложим это, – он показал рукой между ними, – в сторону, похоже, что все было серьезно. Мне нравится Пол.

– Мертвый... Живой. Нельзя точно сказать, пока мы не встретимся на его дне рождения. – На лице Чеймберса отразилось облегчение. – ...Или похоронах, – добавила она, переключая внимание обратно на свой ужин. – У тебя что-то происходит на работе?

– У меня всегда что-то происходит на работе, – произнесли они в унисон, повторяя стандартный ответ Чеймберса на этот вопрос.

Она недовольно взглянула на него и снова заверила:

– Я справлюсь.

– О, в этом я не сомневаюсь, – засмеялся Чеймберс.

– Тогда расскажи мне.

Он улыбнулся и покачал головой.

Уронив свои приборы на тарелку, Ева нетерпеливо посмотрела на него.

– Послушай, – спокойно сказал Чеймберс, – я выбрал такую жизнь. Я мог бы стать почтальоном или типа того.

– Муж Вероники – почтальон...

– Это хорошо.

– ...Его изуродовала собака.

– А.

– И теперь он не может мочиться стоя. А ты еще можешь мочиться стоя? – спросила она довольно громко, заставляя нескольких посетителей взглянуть в их направлении. – ...А?

– ...Да, – шепотом ответил Чеймберс. – Я все еще могу мочиться стоя.

– Тогда как насчет того, чтобы стать попроще, крепкий орешек?

Он рассмеялся, раздумывая, зачем он вообще попытался спорить.

– Я только хотел сказать, что я выбрал впустить весь этот мрак, жестокость и ненависть...

– Джамби, – вставила она, лаконично суммируя все своими карибскими суевериями. [2 - Джамби (англ. jumbie) – мифологический дух или демон в карибском фольклоре. Это общее название для всех видов вредоносных существ.]

– Ага, демоны, – кивнул он. – Я провожу свое время в компании демонов, и я не могу рисковать привести даже одного из них домой к тебе.

Лицо Евы даже не дрогнуло. Чеймберс знал, что потерпел поражение.

– Ладно... – вздохнул он и начал рассказывать.

– ...Поэтому я заехал в библиотеку по дороге и нашел это... – Чеймберс говорил уже больше восьми минут, когда он достал из кармана мятую копию: замерзший человек, выполненный в потертой бронзе. – «Мыслитель» Огюста Родена, – провозгласил он. – Что значит, на обоих местах преступления тела были расположены так, чтобы напоминать известные скульптуры.

– Но, – начала Ева, проглатывая еду, – у сегодняшних тел не было следов укола на шеях.

– Верно, – согласился Чеймберс. – Или следов паралитического вещества, использованного в первом убийстве. Но руки матери уже были покрыты следами

уколов и все знаки указывают на передозировку героином.

– А как насчет мальчика? Его ударили по голове.

– Я не знаю. Может, что-то пошло не так, – предположил Чеймберс. – Может, он дал отпор. В любом случае, убийца скрыл повреждения гримом, придавая им идеальный вид. Безумие, да? – улыбнулся он, забывшись из-за азарта, что снова оказался в компании демона. Когда Ева обеспокоенно посмотрела на него, он откашлялся и выпрямил спину. – Завтра я пойду с этим к начальству.

– Кто у тебя в напарниках? – спросила Ева.

– А?

– Ну, знаешь, кто за тобой приглядывает? Кто работает с тобой над этим?

– Новенький... констебль. Он хорош, – заверил ее Чеймберс. Ева осунулась. – Тебе бы он понравился.

– Хммм, – ответила она, поигрывая своими косичками и доедая последние кусочки блюда.

– Что не так?

Отодвигая тарелку, Ева посмотрела ему в глаза:

– Знаешь, куда ведет каждая тропа, если достаточно долго по ней идти? – Лицо Чеймберса ничего не выражало. – Она ведет к тому, что ты ищешь.

– Лааадно...

– И ты ищешь демона в человеческом обличье. Ты уже знал, что он умен. Теперь ты знаешь, что он также может быть жестоким. Ты сидишь и улыбаешься, будто это игра, но это не так. Это твоя жизнь, и сегодня она переплелась с его, с жизнью серийного убийцы.

Потянувшись через стол, Чеймберс взял ее за руку.

– Во-первых, я не буду рисковать, клянусь тебе. А во-вторых, технически, он даже не серийный убийца. И мы поймем его задолго до того, как кто-либо начнет бросаться такими терминами.

– Я охочусь на серийного убийцу! – закричал Винтер, расплескивая половину своей пинты пива по полу.

– Что?! – ответила женщина, перекрикивая музыку.

– Я... охочусь... на... серийного убийцу! – восторженно кивнул он, делая жест, будто тычет в кого-то ножом.

– Что?!

– Серийный убийца!

На этот раз она его услышала и тут же ускользнула в дамскую комнату.

– Туалеты там! – заботливо посоветовал он, показывая в противоположном направлении, пока она поднималась по лестнице к выходу. – ...Да, она не вернется.

Не расстроившись, так как он выделял одни из лучших движений в своей жизни, Винтер вернулся на танцпол, когда синтезаторное вступление к «Когда я буду знаменитым?» загрохотало из колонок. Безупречно заменяя слово «знаменитым» на «охотиться на серийного убийцу» на каждом припеве, он очистил себе внушительное пространство среди остальной толпы и чувствовал себя неуязвимым, самым везучим человеком в мире, героем среди простых смертных и совершенно невосприимчивым к действию алкоголя. [3 - When Will I Be Famous? – сингл английской группы «Bros».]

– Это... много блевотины, – вздохнул уборщик Cyber Rooms, увидев оставленный для него Винтером самый сложный за всю карьеру вызов. – ...Ненавижу свою жизнь.

В 8:55 следующего утра Чеймберс выругался, увидев состояние своего гостя. Частично одетый, с растрепанными волосами, свисавшими на глаза, и большим темным пятном, все еще расплзающимся по его униформе, Винтер заснул на стуле, держа в руке пустую чашку.

– Эй! – рявкнул Чеймберс, щелкая пальцами возле уха спящего мужчины. – Винтер!.. Винтер!

Он резко проснулся, поморщился от боли и хлопнул себя по виску, подняв руки к голове.

– Ааааа. Что?

– Совещание через пять минут.

Протяжно выдыхая, он оглядел себя:

– Я из-за вас пролил кофе.

– Встаньте! – Нетвердо поднимаясь на ноги, он позволил Чеймберсу поправить его рубашку и немного привести его в порядок. – Вы что, пьяны? – спросил Чеймберс, застегивая верхнюю пуговицу его рубашки.

– Болен... отравление.

– А, – сказал он, немного смягчившись. – Что вы съели?

– Одиннадцать бокалов пива, – отрыгнул Винтер.

Чеймберс смерил его взглядом, абсолютно не впечатленный.

– Знаете что? Забудьте об этом. От вас мне никакой пользы.

– Эй! – крикнул Винтер ему вслед. – Эй! Подождите!

– Идите домой! – отозвался Чеймберс. – Вы сняты с дела.

– Мне казалось, констебль Винтер присоединится к нам, – сказал Хэмм, даже не пытаясь скрыть недовольство оттого, что Чеймберс назначил встречу. Он закрыл дверь своего кабинета.

– Он не смог...

В окно нетерпеливо постучали.

– А. Вот и он. В следующий раз повезет, – сказал ему Хэмм, приглашая Винтера внутрь.

Усаживаясь, детектив выглядел практически презентабельно, и хоть его лицо было еще мокрым, волосы хотя бы торчали в правильном направлении.

– Хорошо. У меня сегодня много дел. В чем проблема? – спросил у них Хэмм в ту же секунду, как у него на столе зазвонил телефон. – Погодите.

– Я сказал вам идти домой, – прошипел Чеймберс, пока главный детектив-инспектор был занят.

– Я тоже в этом участвую, – шепотом ответил Винтер.

– Ни в чем вы не участвуете, если мы не сможем убедить Хэмма.

– Я здесь, не так ли?

– Ладно. Помните, вам надо убедить его в том, что вы меня ненавидите.

– Это будет не слишком сложно, – пробормотал Винтер, когда Хэмм закончил разговор.

– Итак, – сказал он, наконец-то обращая на них внимание. – Что у вас?

Вдвоем они безупречно представили дело, Чеймберс уверенно изложил свою теорию, инициативно предложил дальнейшие действия. И как планировалось, Винтер противоречил ему при любой возможности, используя их показную вражду для того, чтобы завоевать благосклонность Хэмма, тем временем скормливая ему именно то, что им нужно. Пока главный детектив-инспектор сравнивал фотографии с первого места преступления с известной скульптурой, Чеймберс и Винтер обменялись улыбками, зная, что все не могло пройти лучше.

Наконец Хэмм поднял на них взгляд.

– Какая полнейшая куча вонючего дерьма, – заключил он, швыряя им фотографии.

– Босс, я...

– Заткнись! – рявнул он, перебивая Чеймберса. – Вы рассказывали мне какую-то хрень последние пятнадцать минут. Настала ваша очередь слушать. Вы приходите сюда с двумя совершенно разными местами преступления, тремя разными методами действия, отсутствием какой-либо связи между снеговиком в парке и любым из торчков, и только вашим словом, что он был усажен как эта скульптура, когда вы его нашли. Это статуя мужика, сидящего на заднице! Я сижу на своей прямо сейчас – выходит, и я тоже похож на статую?

– Честно говоря, у вас слегка другая комплекция, – вставил Винтер, явно все еще не совсем протрезвев. – Вы слегка мягче в области... всего.

Хэмм злобно уставился на него.

– Наверное, лучше перестаньте разговаривать, – прошептал Чеймберс.

– Ага.

– Имеется ли хоть какая-то связь между двумя статуями? – спросил Хэмм. – Кто сделал сидящего парня?

– Роден, – ответил Чеймберс. – Он француз.

– Никогда не слышал о нем. А Иисуса и Марию?

– Микеланджело.

– О нем вы, наверное, слышали, – сказал Винтер.

Хэмм возмущенно поднял руки.

– Я знаю, в чем тут дело, между прочим, – сказал он Чеймберсу, обвиняюще тыча в него пальцем через стол. – Ваша братия. Всегда пытаетесь что-то доказать, не так ли? Последнее, что нам сейчас нужно, так это какой-то нанятый из вежливости сотрудник, бестолково распространяющий чьи-то полупродуманные идеи и распалаящий прессу на пустом месте.

Потрясенный Винтер собирался что-то сказать, но заметил, что Чеймберс едва заметно покачал головой.

– Мой приказ, – продолжил Хэмм, – расследовать это как два абсолютно разных инцидента. Еще одно слово о статуях или серийных убийцах – и я переведу вас на другое дело. Я понятно изъясняюсь?

– Полностью, сэр, – ответил Чеймберс и встал, поняв намек.

– Сэр, – сказал Винтер, тоже поднимаясь. – Я хотел бы попросить остаться и работать над этими двумя делами под началом детектива-сержанта Чеймберса. Я был первым офицером на месте обоих преступлений и считаю, что это может стать бесценной возможностью для обучения.

– Я поговорю с твоим начальником, – произнес Хэмм, который, казалось, заскучал.

– Спасибо, сэр.

С этим двое мужчин быстро вышли и отделились от двери на безопасное расстояние.

– Как я понимаю, мне нужно не обращать внимания ни на одно его слово? – спросил Винтер, на что Чеймберс уверенно кивнул.

– Ну, куда теперь?

– В лабораторию судмедэкспертизы... – решительно сказал Чеймберс. – Закончив притворяться, Винтер снова выглядел так, будто вот-вот умрет. – ...С остановкой у кофемашины.

– О, слава богу.

Глава 6

– Думаете, в следующий визит вы могли бы принести мне что-нибудь однозначное? – спросила доктор Сайкс, стоя над телом Альфонса Котилларда, подростка, найденного на руках у матери. – Например, парня без головы. И потом вы скажете: «какова причина смерти, док?», на что я отвечу: «ну... у него нет головы, такие дела».

Она выглядела слегка нервной. Сделав еще один глоток кофе, она спросила:

– Что с теорией по поводу скульптур?

– Ушла на дно, – ответил Чеймберс, решив, что чем меньше людей будут знать о том, что они все еще ее прорабатывают, тем лучше.

– Как подходяще, – кивнула Сайкс без дальнейших объяснений. – Ну, кто-нибудь из вас хочет рискнуть угадать причину смерти? Я дам вам подсказку: начинается на «у».

Чеймберс и Винтер переглянулись. При резком флуоресцентном освещении и в отсутствии грима вмятина на черепе молодого человека явно просматривалась, и было видно, что глубокая рана посередине аккуратно заклеена.

– Удар тупым предметом, – пожал плечами Чеймберс.

Доктор повернулась к Винтеру.

– Удар тупым предметом, – согласился он.

Сайкс маниакально замотала головой:

– Чертово утопление!

– На диване? – спросил Винтер.

– Несомненно в результате травмы головы, но объем жидкости в его легких позволяет предположить, что он был еще жив после удара чем-то твердым и круглым, от шести до восьми дюймов в диаметре. Я также нашла синяки на руках и шее, указывающие на сопротивление. Но что я до сих пор не нашла, так это след от укола где-либо на теле.

Трое молча уставились на труп.

– Какая именно жидкость? – спросил Чеймберс.

– Что, простите?

– В его легких.

– Боюсь, просто скучная вода.

– Хлорированная?

Винтер взглянул на Чеймберса через стол, понимая, к чему он ведет.

– Нет. А что? – спросила Сайкс.

– Как насчет на его коже? – торопливо спросил Винтер, многозначительно взглянув на Чеймберса.

– Я могу взять образец и...

– Не нужно, – сказал ей Винтер, наклоняясь, чтобы понюхать руку трупа.

– Эммм. Извините. Что вы делаете? – встревоженно спросила Сайкс.

– Это омерзительно, – заметил Чеймберс, скривившись.

– Да, – отозвался Винтер, сдерживая рвотный позыв. – Я уже об этом сожалею. – Выпрямляясь, он глубоко вдохнул, нуждаясь в перерыве. Он посмотрел на Чеймберса и кивнул.

– Хлор на коже, проточная вода в легких, – вслух задумался опытный детектив.

– Душевые в плавательном клубе? – предположил Винтер.

– Каком плавательном клубе? – спросила Сайкс, чувствуя себя исключенной из разговора.

– Пойдем, – произнес Чеймберс.

Не говоря ни слова, двое детективов вышли, оставляя доктора ее незаконному существованию и антуражу из мертвых тел.

– Ладно... Пока-пока! – крикнула она им вслед, в ответ получая лишь хлопок двери.

– Что такое со стариками и раздевалками? – спросил Винтер, который выглядел будто травмированный. – То есть я иногда хожу плавать. И да, в какой-то момент приходится снимать плавки, но...

– Но нужно обматываться полотенцем! – подхватил Чеймберс, явно твердо соглашаясь с Винтером на эту тему.

– Или проделывать такой фокус – держать полотенце в зубах так, чтобы оно свисало в качестве занавески для паха. – Отсутствие согласия от Чеймберса намекало, что он поделился лишним. – В любом случае, чего не стоит делать, так это завязывать галстук, пока твои причиндалы развеваются на ветру.

Чеймберс согласно кивнул, когда они ступили в душевые.

– Наше место убийства... Может быть, – объявил он.

– Идеальное, чтобы смыть кровь.

– Идеальное, чтобы к кому-то подкрасться, – возразил Чеймберс, сомневаясь, что в намерения убийцы входило повредить его «произведение искусства».

– Сзади вас треснувшая плитка, – указал Винтер.

– Можете узнать, нет ли у них крестовой отвертки под рукой?

Он вопросительно посмотрел на Чеймберса, который махнул в сторону трех металлических сливных решеток, вмонтированных в пол.

– Конечно.

Его не было всего двадцать секунд, когда Чеймберс услышал, что он зовет его по имени. Спеша к лестнице, спускающейся к бассейну, он взглянул вниз на Винтера, в затянутой в перчатку руке высоко держащего над головой утяжелитель, используемый в подводных упражнениях. Не считая маленькой ручки, он был полностью круглым и явно довольно тяжелым.

– Наше орудие убийства?!.. Может быть! – торжествующе выкрикнул он, прежде чем заметить обеспокоенные лица занимающихся людей. Опуская груз, он неловко помахал им рукой: – Не обращайтесь на меня внимания.

К огромному недовольству менеджера развлекательного центра и орды стариков, жаждущих скинуть свои штаны, Чеймберс и Винтер опечатали душевые, с растущей уверенностью, что они нашли место убийства подростка.

Изучение сливной системы однако потребовало гораздо большего, чем предложенная отвертка, надсмотрщику пришлось перекрыть воду, чтобы вытащить пластиковый фильтр, скрытый под металлической решеткой. Разбор первых двух сливов занял больше получаса и не дал им ничего, кроме двадцатипенсовой монеты, потерянного ключа от шкафчика и по необъяснимым причинам промокшей карточки из видеопроката «Ритц».

Но когда последняя решетка была снята, Чеймберс в предвкушении подобрался поближе, покинув свое место возле разбитой плитки.

После недолгого ворчания и кряхтения надзиратель вытащил пластиковую коробку из ямы и осторожно развинтил ее, чтобы изучить содержимое. Он выглядел удивленным.

– Это что?..

– Игла, – закончил за него Чеймберс.

– И битое стекло, – восторженно добавил Винтер. – Не шевелитесь, – сказал он мужчине, опускаясь возле него на колени с пакетом для улик наготове. На его лице расплылась улыбка: – У нас есть кровь.

Чеймберс кивнул. Естественно, осколки были забрызганы кармином.

– Пакуйте, – приказал он Винтеру. – Я вызову кого-то это забрать.

– Зачем? Куда мы направляемся?

– Нанести мистеру Слипу еще один визит. Посмотрим, сможем ли мы убедить его расстаться с отпечатками пальцев и образцом крови.

В 15:15 Чеймберс и Винтер сидели в кафе на Тауэр Бридж-роуд, совсем забыв о ланче из-за увлекательных дневных открытий в сочетании с частыми поездками в Скотленд-Ярд. По чистому стечению обстоятельств плиточная облицовка заведения подходяще напоминала об их находке в душевой.

Они ели в тишине более пяти минут, когда Винтер почувствовал, что ему нужно высказаться:

– Извините за сегодняшнее утро.

С тех пор уже столько всего произошло, что Чеймберсу даже потребовалось мгновение, чтобы понять, о чем он.

– Это из-за дня рождения друга и восторга от того, что я работаю над настоящим делом серийного убийцы, – продолжил он. – Больше такого не повторится. И я правда благодарен, что вы позволили мне присоединиться.

Затянувшаяся тишина, последовавшая за этим, стала слегка неловкой, пока Чеймберс доедал остатки своих заливных угрей. Он вытер губы салфеткой и посмотрел на Винтера.

– Вы неплохо справились сегодня, – сказал он довольно обыденно, вставая из-за стола. – Можно воспользоваться вашим телефоном? – спросил он у женщины за стойкой, показывая свое удостоверение.

– В служебном помещении, – отвлеченно ответила она, занятая разговором с одним из постоянных посетителей.

Пройдя сквозь дверь, он вытащил свою адресную книжку, чтобы найти номер лаборатории судмедэкспертизы.

– Доктор Сайкс, – ответил голос.

– Это Чеймберс.

– А, детектив! Сначала хорошие новости или плохие?

– Хорошие.

– На утяжелителе, который вы отправили, были остаточные следы крови Альфонса Котилларда. Вы нашли орудие убийства.

– Отпечатки?

– Стерты начисто.

Дверь распахнулась и даже немного ударила Чеймберса в плечо.

– Извините, дорогуша, – сказала женщина, протискиваясь к весьма солидной стопке грязной посуды.

– А игла? – спросил Чеймберс, удалившись из зоны слышимости.

– Она подходящего диаметра. Но больше мне нечего о ней сказать. Зато стекло, хоть и разбитое, загнуто и покрыто крохотными черными отметками. Это шприц, я бы побилась об заклад на свою карьеру. Я знаю, что вы собираетесь спросить, но ответ – нет. Панкурониум бромид – нет. Любые его следы, если они вообще были, смылись. Однако иголка и шприц доказывают, что два ваших расследования почти однозначно связаны.

– Каковы тогда плохие новости?

– Кровь на стекле принадлежит не Слипу.

Чеймберс расстроенно ударил кулаком стену:

– Это не значит, что он этого не делал.

– Не значит. Но я все равно пропущу образцы через базу. Очень интересно посмотреть, будет ли результат.

– Дайте мне знать, – сказал Чеймберс, вешая трубку и выходя к столу, чтобы пересказать новости Винтеру.

– Значит... мы направляемся прямо в кабинет к Хэмму и говорим, что он был неправ, да? – спросил уже осведомленный Винтер. – Да?

– Он заберет его у нас, – ответил Чеймберс с очень неуверенным видом.

– Но?..

– Без вещества этого будет недостаточно, а следов не было.

– Ладно, – вздохнул Винтер. – И что мы теперь будем делать?

– Разделимся. Вы отправляйтесь назад в развлекательный центр. Посмотрим, что вы сможете найти... И проверьте, было ли у Генри Джона Долана вообще членство там.

– А вы?

Чеймберс колебался:

– Я уверен, что найду чем заняться.

Глава 7

«Слишком много разбитых сердец» [4 - Песня Too Many Broken Hearts – англ.] Джейсона Донована предоставляла нежеланную озвучку встрече, что усугублялось всеобщим молчанием. Каждым фибром своей души борясь с желанием присоединиться к последнему припеву, Винтер снова попытался добыть кровь из камня:

– Может, кто-нибудь из вас видел, как он с кем-то разговаривал? Возможно, с кем-то незнакомым вам?

Вернувшись в развлекательный центр, он попросил дежурного менеджера собрать всех, кто работал в ночь смерти Альфонса Котилларда. Результат: шесть заспанных подростков, один из которых, как Винтер был уверен, заснул.

– Что-нибудь? – снова попробовал он, выглядя обнадеженным, когда в воздух поднялась рука, но затем осознал, что это был всего лишь зевок. – ...Спасибо. Вы очень помогли.

Пока его апатичные слушатели расходились обратно по рабочим местам, он отправился поговорить с менеджером.

– Подростки, а? – фыркнул юноша. Парень сам выглядел как ребенок с двумя третьими искусственных усов.

Вежливо кивнув, Винтер вытащил пакет для улик из кармана, в котором лежал ключ от шкафчика, добытый из слива в душевых.

– Вы или кто-то другой знали бы, если бы пропал ключ к одному из шкафчиков? – спросил он, зная, что хватается за соломинку.

– Детектив, мы даже не знали, когда кого-то убивали там. Так что... Нет, – ответил он колко, но резко сменил тон, заметив выражение лица Винтера. – Если никто не заявляет о пропаже ключа, мы обычно не проверяем.

– А есть способ узнать, какой шкафчик он открывает?

– Если ярлыка нет... – пожал плечами юноша. – Единственный способ – это перепробовать их все.

– Я так и думал, что вы это скажете, – вздохнул Винтер.

Одним из многих недостатков коротания времени под заброшенными железнодорожными арками являлось то, что они были открытым приглашением для публичного мочеиспускания, недостаток, в который, Чеймберс подозревал, он вступил, пока укрывался от дождя. На противоположной стороне улицы освещенная витрина отбрасывала приветливое сияние на брусчатку. Стуча зубами, он засунул руки в подмышки и ступил подальше от лужи, не отрывая взгляда от знакомой ролловой двери.

Винтер сразу пропускал все шкафчики, из которых уже торчали ключи, и у него ушло всего пятнадцать минут на то, чтобы определить нужный. После удовлетворяющего щелчка он услышал, как упали оставленные в залог двадцать пенсов, и был приятно удивлен обнаружить полный шкафчик. Он потянулся и достал джинсы, вытащил кошелек, засунутый в задний карман, и тогда на пол упала связка ключей. С нарастающим возбуждением он развернул бумажные водительские права на имя Альфонса Котилларда.

Вытаскивая рюкзак, он сел на скамью и начал его разбирать: скомканный джемпер... ланчбокс... бутылка для воды... разнообразие учебников... дневник. Он открыл его и пролистал самые последние записи:

«не знаю, почему Джордан ведет себя как завистливая сучка из-за этого».

Он перевернул страницу:

«чувствую себя, будто это выбор между моим будущим и тем, что моя мама не покончит с собой».

Следующая страница:

«Надеюсь, я снова увижу Роберта сегодня вечером. Он меня понимает, особенно потому, что сам учился в Кэмбридже. «Зажиточные нищие» – так мы себя называем. Иногда мы разговариваем часами после тренировки. Он так вдохновляет и столькому меня научил. Его страсть к его работе и искусству...»

Его искусству. Винтер прочел достаточно, и ему необходимо было поделиться последними новостями с Чеймберсом. Он засунул дневник в карман своего пальто, снова запер шкафчик, а затем поспешил через раздевалки, сжимая ключ, и налетел прямо на одну из девочек-подростков, которую узнал с

бесполезного собрания.

Он извинился, пытаясь ее обойти, но она его остановила.

– Честно говоря, я вас ждала, – сказала она, тревожно оглядывая коридор. – Мы можем поговорить?

– Конечно, – ответил он, следуя за ней к выходу на темную улицу.

Небеса разверзлись, пока он был внутри, поэтому они не выходили за пределы навеса перед входом. Когда она предложила ему сигарету, он принял, закурил и несколько мгновений наблюдал за дождем.

– Я не хотела ничего говорить при других, – начала она, прикрывая глаза и вдыхая блаженное облако дыма. – Короче: я жаловалась на одного парня раньше, и его за это уволили, но никто из них мне не верил. Вы же им не скажете, да?

Винтер едва слышал ее за шумом ливня.

– Только в крайнем случае, – честно ответил он. Девушка кивнула, удовлетворенная ответом.

– Как вас зовут?

– Джордан.

– Что ж, ваше здоровье, Джордан, – сказал он, жестикулируя сигаретой в своей руке, тем временем отчаянно пытаясь не подавиться ею. Он не курил, но знал, что лучший способ заставить подростка разговориться – найти общие интересы.

– Мне нравился Альфи, – грустно сказала она. – Альфонс. Знаете... действительно нравился.

– Круто, – прохрипел Винтер, понимая, что он слишком сильно старается.

– Это было словно... мы вдвоем против всего мира, если вы меня понимаете. Я обычно замечала, куда он идет... и с кем, – уточнила она и вздохнула, чтобы успокоиться. – Был такой мужчина... типа, очень стремный. Не то чтобы с ним конктрено что-то было не так, но знаете, иногда же у вас просто появляется предчувствие, да? В любом случае, он постоянно приходил увидеться с Альфи. В смысле, каждый вечер. Постоянно трогал его за руку, когда они разговаривали, и все такое. Он был там той ночью... Той ночью. Он был там, и он не возвращался с тех пор.

Она уронила окурок на землю и затоптала его, как особо отвратительного паука, поэтому Винтер, последовав ее примеру, с радостью избавился от ужасной штуки.

Она странно на него взглянула:

– У вас еще половина оставалась.

– Да, но я скурил лучшую половину, – сказал он ей мудро, доставая свой блокнот. – Знаете, как его звали?

– Роберт, – тут же ответила она и покачала головой. – Но фамилию не знаю.

– Можете его описать?

– Вашего возраста, наверное, – пожала плечами она. – Странная прическа, вроде как стрижка боб, волосы всегда лезли ему в глаза. Худой. Атлетичный... Высокий.

– Вы очень помогли, – сказал Винтер, записывая ее слова.

– О, это ничто, – отозвалась она. – К третьему его визиту мне пришлось попробовать убедить его купить абонемент, чтобы узнать какие-то детали. Но он отказывался, поэтому я проследила за ним до его машины.

Винтер сохранил невозмутимое выражение лица, но почувствовал, как его сердце забилося чаще.

– Вы случайно не запомнили цвет или модель?

– Vauxhall Cavalier. Один и шесть литра. Бордовый. На регистрационном диске печать Уондсуэрта. Я и номер запомнила, – сказала она, передавая ему сложенный лист бумаги.

Винтер выглядел одновременно ошеломленным, благодарным и так, будто его сейчас стошнит.

– Из вас получился бы отменный детектив.

– Как я и говорила, он показался мне подозрительным... – робко улыбнулась она. – Вы не курите, не так ли?

– Нет, – признал он, открывая дверь и подгоняя ее вернуться внутрь. – Так что я немного проблююсь, а затем приступлю прямо к делу, – пообещал он, уже направляясь напрямик к туалетам, чтобы воплотить в жизнь первый пункт своего плана.

Свет погас.

Держась в тени, Чеймберс наблюдал, как Тобиас Слип запирает дверь, не замечая детектива, прячущегося в арке, ни когда он пробежал мимо через хлещущий дождь, ни пока разворачивал свой фургон, освещая периметр двумя яркими фарами как маяком.

Глядя, как темнота заглатывает ржавый автомобиль, Чеймберс бросился к двери и вверх по пожарной лестнице к уязвимому окну кабинета. Убедившись, что горизонт чист, он ткнул локтем в одну из плохо подогнанных створок, и звук битого стекла затерялся в шуме нарастающего шторма. Он потянулся внутрь и ослабил защелку, приоткрывая окно достаточно, чтобы перекатиться через стол и неграциозно приземлиться с другой стороны.

Включив фонарик, он закрыл то, что осталось от окна и положил найденную снаружи ветку среди осколков, чтобы нанесенный ущерб можно было списать на летящий обломок, а не на отчаявшегося детектива.

Для начала он просмотрел документы на столе, выискивая любое упоминание «Мыслителя», Родена, «Пьеты», Микеланджело, плавательных бассейнов, больниц – чего угодно, что могло связать Слипа с убийствами. Потом он перешел к ящикам, и вскоре его охватило недовольство, когда он ничего не нашел среди чеков из бара, налоговых деклараций и фотографий реставрационных проектов на разных стадиях готовности.

Сдавшись и отдавая себе отчет, что каждую проведенную там минуту он ставит на кон свою карьеру, он открыл дверь в главное помещение. Статуи внизу прорезались в полутьме нервирующими силуэтами – как четыре стража, затаившиеся в ожидании.

Спускаясь на нижний уровень, он замер, сбив ногой что-то тяжелое с последней ступеньки. Предмет ударился оземь, прозвучав в тишине как раскат грома, прежде чем врезаться в металлический ящик для инструментов.

Все снова затихло.

Собравшись с духом, Чеймберс посветил фонариком, оценивая ущерб.

– Черт, – пробормотал он, увидев уличающий ручеек жидкости, скользящий по полу и все еще обильно льющийся из канистры.

Решив, что он мало чего может с этим сделать, он подошел к подъемному механизму. Он провел лучом фонарика вдоль толстого каната, от начала, кольцами обвязанного вокруг ворота, до петлеобразного конца, и округлил глаза, что-то заметив.

Он быстро обошел веревку, чтобы лучше рассмотреть внутренний край, где жесткие нити торчали из основного плетения, потемнев от грязи и многолетнего использования. Но он однозначно видел это: высохшая кровь и что-то, смахивающее на человеческие волосы.

Задышав чаще, он достал пару одноразовых перчаток из кармана и только нашел пакет для улики, чтобы собрать пару образцов, как услышался звук приближающихся мокрых шин... гудение двигателя... автомобиля, останавливающегося прямо снаружи. Выключив фонарик, он неподвижно замер, прилушиваясь, но слышал лишь проливной дождь.

Внезапно металлическая дверь открылась.

Укрываясь за одной из ближайших статуй, он дернулся, когда фонари над головой с жужжанием ожили, а затем услышал неспешно приближающиеся шаги.

– А вот и вы! – победно провозгласил Слип.

Чеймберс задержал дыхание, ожидая, что его уличат, но потом услышал звон ключей, сопровождающийся звуком удаляющихся шагов... Впрочем, потом они остановились. Он рискнул выглянуть из-за статуи, но смог разглядеть лишь тень Слипа, когда тот нагнулся что-то поднять с пола. Чеймберс поморщился, уже зная, что это.

– Кто здесь? – позвал Слип. – Здесь кто-то есть? – Чеймберс наблюдал, как тень вооружилась большим инструментом. А затем Слип продолжил: – Если тут кто-то есть, выходите сейчас же!

Чеймберс слышал, что шаги приблизились. Он был в ловушке посреди комнаты, и ему некуда было идти, негде спрятаться. Крадясь вокруг статуи в унисон шагам, Чеймберс знал, что он лишь оттягивает неизбежное, что его обнаружат в любой момент. Открытая дверь была дразняще близко, но так недостижима. Но потом порыв ветра громко хлопнул офисной дверью, привлекая внимание Слипа.

– Здесь кто-то есть?

Чеймберс смотрел, как он в последний раз окидывает комнату взглядом и направляется вверх по лестнице. Он ринулся к следующей статуе, прежде убедившись, что его не было слышно. Затем к следующей. Скорчившись за бронзовым святым, он чувствовал дуновение ветра на своем лице, брызги дождя на тыльной стороне руки. Он выбрался.

– Черт. Черт. Черт, – прошептал он, оглядываясь на улики, болтающиеся посреди комнаты. Он не мог их оставить, ведь он был так близко.

Слип вошел в офис.

Пользуясь шансом, Чеймберс выбежал на открытое пространство. Не имея времени ни на перчатки, ни на пакеты для улик, он схватил горсть кровавых волокон, надеясь, что там оказалось и немного волос, а затем он вырвался сквозь открытую дверь.

Держа ветку в руке, Слип услышал, как кто-то пробежал мимо его разбитого окна. Он поспешил назад на площадку и оглядел основное помещение, где подвешенная веревка дико вращалась, как ловушка, не успевшая сработать. Но с его места на возвышении мокрые следы ботинок виднелись ясно, как днем, они петляли между его статуями, прежде чем вернуться за чем-то, а затем скрыться в шторме.

Глава 8

Четверг

Чеймберс и Винтер не разговаривали друг с другом. Ледяная тишина продолжалась всю дорогу по Уондсуэрт Хай-стрит, пока они лавировали в утреннем потоке машин. Следующий светофор расплылся красным по лобовому стеклу, когда «изморось» превратилась во что-то среднее между «порывистым дождем» и «легким ливнем» – у британцев дюжина названий для, по сути, одного и того же: очередного паршивого дня.

– Вы планируете весь день дуться? – фыркнул Чеймберс.

– Мне просто кажется, вы не даете ему шанса.

– Я согласился с ним встретиться, разве нет?

– Неохотно, – язвительно отозвался Винтер.

– Я просто не уверен, что он тот, кто нам нужен, – сказал Чеймберс, вырываясь на одно место вперед.

– А ваш парень подходит, я полагаю? Мой подходит просто идеально, – возразил Винтер. – Он высокий. Атлетичный.

– Он живет со своей мамой, – заметил Чеймберс.

– По крайней мере, он не старый.

– Мой парень опытный. К тому же он умный.

– Мой тоже! – огрызнулся Винтер. – Он лектор в университете!

– Мой парень работает один, потому что он владеет собственным делом.

– А, да? Ну, мой парень... – Винтер замолчал, понимая, что этот разговор, возможно, начинал звучать слегка странно. – Все, чего я прошу, это чтобы вы не делали поспешных выводов, пока Сайкс не свяжется с нами по поводу результатов тестов.

– Конечно, не буду, – сказал Чеймберс, наконец-то проехав светофоры и поворачивая на жилые улицы. – Глядите, мы на месте, – объявил он, подъезжая к очаровательному коттеджу с террасой, где армия керамических гномов рыбачила, кувыркалась и карабкалась по безупречному саду. – Непохоже на логово Скараманги, а?

– Умолкните, – бросил Винтер, вылезая из машины.

Он указал на бордовый Vauxhall Cavalier, а затем направился ко входной двери сквозь деревянные ворота. Они добрались до звонка одновременно.

– Хотите? – нетерпеливо спросил Винтер.

– Нет. Нет. Все вам, – улыбнулся Чеймберс, убирая руку.

Он разглядывал веселые орнаменты, пока музыкальный звонок проигрывал мелодию: в саду были крохотный каменный пруд с льющейся водой, парочка пожеванных игрушек для собак, а на пороге ожидали почти все выпускающиеся газеты.

Искаженная фигура приблизилась к стеклу. После трех поворотов замка она наконец-то открыла им дверь.

Винтер начал представляться, но потом полностью забыл, что собирался сказать, оба детектива просто уставились на странно выглядящего человека. Как и описала девушка, он был высоким, с абсолютно прямыми мышино-коричневыми волосами, обрезанными слоями, которые, казалось, двигались независимо друг от друга, и как положено стереотипами его профессии, он был одет в неприятно-коричневые брюки и твидовый блейзер. Девушка однако забыла им рассказать, что он был похож на насекомое – его крохотные глазбусинки метались за толстыми стеклами круглых очков, а зубастый сжатый рот выглядел готовым к тому, чтобы откусить от них кусочек.

– Детектив-констебль Адам Винтер из полицейского участка Шепердс Буш Грин, я полагаю? – сказал он, прерывая молчание.

– Эммм. Да, – ответил Винтер, немного удивившись, что он с такой точностью запомнил их короткий телефонный разговор. – А это...

– Чеймберс, – перебил Бенджамин своего коллегу. – ...Просто Чеймберс.

Мужчина на мгновение смерил их взглядом, чуть ли не изучая их.

Чувствуя себя неуютно, Винтер нервно улыбнулся:

– Спасибо, что согласились встретиться с нами.

– Я вовремя проинформировал своего нанимателя о своем опоздании. Они должны были внести необходимые изменения в мое расписание.

Ни Винтер, ни Чеймберс не знали, как на это ответить, поэтому промолчали.

– Можно нам войти? – спросил Винтер, отчасти надеясь услышать отказ. Но он отступил, чтобы пропустить их. Они без энтузиазма прошли по темному коридору, слыша, как позади них защелкиваются замки. Затем вошли в гостиную, где разномастные кресла были повернуты к открытому камину, а на окнах красовалась пожелтевшая от никотина тюль.

– Мне немного страшно, – прошептал Винтер.

– Да, мне тоже, – признал Чеймерс. Оба любезно заулыбались, когда хозяин вошел в комнату.

– Садитесь, пожалуйста, – сказал он.

Нерешительность на их лицах не была скрытой, когда они пытались определить, какие из изношенных кресел выглядели менее хлипкими. Понимая, что оба устремились к одному и тому же, Винтер практически прыгнул через комнату и с весьма самодовольным выражением лица уселся на желанное кресло.

– Чаю? – предложил мужчина. – Кофе? Заварного печенья?

– Нет. Спасибо, – ответил Чеймберс.

– Я буквально только что пил кофе, – солгал Винтер, – ...с заварным печеньем.

Чеймберс покачал головой, повернувшись к своему напарнику.

Оба детектива подметили у этого странно выглядящего мужчины заметную хромоту, когда тот подошел, чтобы сесть. Он присел на самом краешке подушки, словно готовый напасть, темными глазами наблюдая за каждым их движением.

Винтер вытащил блокнот и раскрыл его:

– Итак, мистер Роберт Дуглас Коутс...

– Роберт Дуглас Сеймур Коутс, – поправил его мужчина.

– Конечно, – сказал Винтер. – Я запишу...

«Придурок»

– Сколько вам лет?

– Двадцать четыре.

– Вы знаете, почему мы здесь? – спросил Винтер, замечая тиканье часов на каминной полке в паузе, зависшей перед его ответом.

Он грустно кивнул:

– Я слышал по новостям. Вы здесь из-за Альфонса.

– Верно. Значит, вы его знали?

– Я считаю, мне повезло сказать, что я его знал.

– Можно узнать, где вы познакомились?

Чеймберсу пришлось снять куртку, так как он ошибочно выбрал кресло, ближайшее к батарее, излучавшей тепло с неумолимой старательностью.

– В развлекательном центре.

– Где вы?... – Винтер оставил вопрос висеть в воздухе.

– Плаваю.

– То есть вы... дружили?

– Я скорее назвал бы это отношениями ученика и учителя. Я во многом видел в нем себя, в глубине его нераскрытого потенциала.

Повисло неловкое мгновение молчания, пока Винтер с Чеймберсом оглядывали совокупность глубин нераскрытого потециала Роберта Дугласа Придурка Коутса.

– Вы живете с матерью? – спросил Чеймберс, заслужив этим недовольный взгляд от Винтера за то, что надавил на его подозреваемого.

– Уже нет, – ответил Коутс. – Она переехала в дом престарелых месяц назад.

– Можно спросить, что случилось с вашей ногой? – поинтересовался Винтер, снова завладевая разговором. Коутс не выказывал признаков, что он вообще услышал вопрос, пока Винтер не повторил: – Мистер Коутс, можно спрос...

– Я порезался... о стекло.

Винтер с Чеймберсом невольно подались вперед, повторяя беспокойную позу Коутса.

– И где это случилось? – подтолкнул его Винтер.

– В развлекательном центре. В душевой.

Двое детективов переглянулись в предвкушении, Винтер попытался вспомнить, в какой карман он положил наручники.

– Уверен, это представляет мало значения для полиции, – продолжил Коутс, – но было похоже, что кто-то раздавил шприц на полу. Я распорол о него ступню. Было очень больно. Затем я смахнул все осколки в ближайший слив, чтобы никто другой не порезался. Само собой разумеется, я не возвращался с тех пор.

Они оба немного расслабились, обезоруженные очень правдоподобным объяснением.

– Вы читаете лекции в Биркбек-колледже? – спросил Винтер, меняя тему.

– Верно.

– История искусств?

– Если говорить в общем.

– Значит, вы наверняка много знаете о... скульптурах?

Коутс ничего не выдал, а Винтер продолжил, пока оба детектива внимательно наблюдали за подозреваемым:

– «Мыслитель» Родена? «Пьета» Микеланджело?

– Конечно. Это две из самых известных и возвеличиваемых работ, созданных за всю историю.

– И как эксперт...

– История искусств это очень обширный предмет, – перебил его Коутс.

– В таком случае по сравнению с нами, – поправился Винтер, а Коутс кивнул, одобряя его логику. – Вы знаете, какая может быть связь между этими произведениями искусства?

– Связь?

Коутс выглядел растерянным:

– Я думал, мы будем говорить об убийстве Альфонса...

– Просветите меня.

Лектор, казалось, завис на несколько секунд, задумчиво покусывая ноготь, затем не спеша начал:

– Насколько мне известно, «Мыслитель» изначально был лишь частью намного более амбициозного произведения под названием «Врата Ада»... – Немного обескураженный, Винтер сделал пометку в блокноте. – Многие считают, что на

ней изображен Данте, но есть и те, кто подозревает, что это сам Роден. Между тем «Пьета» отображает Марию, держащую на руках своего сына, – вслух раздумывал он. – Один жил в Париже, другой – в Риме. Они были созданы с перерывом в столетия. Одна бронзовая, другая – мраморная... Если честно, я не могу представить ни единого аспекта, который бы их объединял.

– Нам нужен будет образец вашей крови, – выпалил Чеймберс, застав врасплох и Коутса, и Винтера.

– Моей... крови?

– Чтобы исключить вас из расследования.

– Конечно. Я поспособствую, как только смогу.

– Мы это ценим. Можно воспользоваться уборной?

Коутс снова ответил не сразу, как будто исчезая у себя в голове, чтобы просчитать ответ.

– Наверху. Первая дверь слева. Вам придется извинить меня за беспорядок.

Чеймберс кивнул и встал, оставляя Винтера заканчивать. По пути он заглянул на ветхую кухню, не заметил ничего необычного и поднялся по лестнице на пролет, где ковер был устлан собачьей шерстью разных цветов. Он подозревал, что весь дом обычно выглядел так же и только нижний этаж был наспех подготовлен к их визиту. К его разочарованию, обе двери в спальни были закрыты, и он не рискнул попробовать их открыть, так как весь дом скрипел и стонал, докладывая своему владельцу о каждом движении в нем.

Войдя в ванную, он запер дверь и поспешил прямо к шкафчику с медикаментами. Там обнаружился впечатляющий ассортимент таблеток, большинство выписанных миссис М. Коутс, но ничего важного. Расстроенный, он оглядел скудно обставленную комнату, выискивая еще какие-то детали, приоткрывающие жизнь этого странного человека. За неимением идей получше он залез в ванну, чтобы добраться до покрытого изморозью окна, с силой открывая проржавевшую защелку, чтобы выглянуть на задний двор. В сравнении

с ухоженным гном-фестом спереди задняя часть владения была тем еще зрелищем – запущенная и дикая, если не считать участок перекопанной земли в дальнем конце.

Зная, что он уже потратил слишком много времени, Чеймберс закрыл окно, дернул цепочку бачка и вдобавок помыл руки. Он потянулся к дверной ручке, но остановился, увидев самодельную декорацию, висящую на ней. Он перевернул ее и прочитал вырезанные на дереве слова:

Хоть грехи ваши подобны багрянцу,

Пусть удут они белы, как снег.

Исайя 1:18

Хмурясь, он повернул ручку и направился обратно вниз, где Винтер уже был на ногах, готовый уходить.

– Я еще не видел ваших собак, – сказал Чеймберс, забирая свою куртку. Коутс с осторожностью взглянул на него. Бенджамин объяснил: – Заметил шерсть на ковре.

– Собаку. Всего одну, – сказал Коутс. – К сожалению, он почил. Совсем недавно, кстати говоря. Я думаю, это стало последней каплей для моей матери.

– Мои соболезнования, – сказал Чеймберс. – Какой породы была собака?

– Дворняга. Мы всегда подбирали бродячих собак.

– «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой», – изрек Чеймберс, игнорируя вопрошающий взгляд, брошенный ему Винтером.

Коутс на мгновение выглядел растерянным, но потом улыбнулся впервые со времени их прибытия.

– Теперь вы говорите практически так же, как моя мать, – сказал он, провожая их до двери.

Забравшись в машину, Винтер выжидательно посмотрел на своего коллегу:

– Ну... что вы думаете?

– Ладно. Я был неправ, – признал Чеймберс, заводя двигатель. – Я понимаю, почему он вас заинтересовал.

Глава 9

С издевательской усмешкой на лице миссис Чеймберс ковыряла основное блюдо вилок, видимо наевшись одной ложкой закуски.

– Что это такое, еще раз? – спросила она, изучающе засовывая палец в соус.

– Курица, – коротко ответила Ева. – Нелетающая птица, которая водится у нас дома. Один из рецептов моей мамы.

– И где находится дом, еще раз?

– Контент, Ямайка.

– Хммм, – ответила старшая женщина, обращая свой неодобрительный взгляд на явно неудовлетворяющую ее обстановку. – Так, значит, это они называют «лофтом»? – спросила она, отодвигая тарелку.

– Да.

– Это просто модное название квартиры, не так ли?

– Полагаю, да.

– Такой, что стоит не меньше, чем дом.

– Зависит от дома.

Еще раз фыркнув, выражая недовольство всем сразу, миссис Чеймберс улучила момент оглядеть хозяйку, сидящую напротив нее, пока Ева в ожидании сжимала руку своего мужа.

– Ты вполне хорошенькая...

– Спасибо. Как вполне мило, что вы заметили.

– ...как для одной из них.

– Ауч! Господи! – вырвалось у Чеймберса, когда ногти Евы наконец-то пронзили его кожу. Он поглядел на двоих женщин, ни одна из которых не выглядела особо довольной, и у него закралось подозрение, что он что-то упустил.

– Вы закончили, Люсиль? – спросила Ева, вставая из-за стола.

– О, несомненно, – ответила она, передавая тарелку так, словно хотела избавиться от нее как можно скорее.

– Хочешь помочь мне с десертом? – спросила Ева Чеймберса.

– Я думал, он уже готов в...

– Помоги мне с десертом!

Он послушно встал и спросил маму, не надо ли ей еще воды.

– Нет. Спасибо, – сказала она, накрывая верхушку стакана рукой, будто он может попытаться незаметно наполнить его без ее согласия.

– Ты это слышал? – возмутилась Ева, когда они внесли тарелки на кухню. – Ей даже вода не нравится!

– Но мне кажется, все идет нормально, разве нет? – с надеждой улыбнулся Чеймберс, в ответ получая взгляд, означавший, что он будет спать в гостевой.

– Ты что, не был за одним столом с нами?!

– Тсссс. Что не так?

– Не цыкай на меня!

– Извини. Она тебе не нравится?

– Нравится?! – выплонула Ева, снова немного громковато. – Я надеюсь, она подавится моим манговым тартom!

Чеймберс немного опешил... а затем слегка занервничал:

– Ей не очень нравится манго... или тарты.

Уронив красиво украшенную тарелку в раковину, она ударила его по руке.

– Аййй!

– Почему ты за меня не заступился?

– Я даже не слышал, что она сказала!

– Потому что ты витал в облаках... как всегда, – фыркнула она.

– Послушай, – начал Чеймберс, – мама просто... немного старомодна. Она очень гордится своими ганскими корнями и тем, что она британка.

– И ей не нравится, что ты распыляешься на какую-то ямо?[5 - Оскорбительное название, применяемое нигерийцами к ямайцам.]

– Я этого не говорил, – вздохнул Чеймберс.

– Тебе и не надо было... А что будет с нашими детьми? Она и к ним будет так относиться?

Чеймберс выглядел потрясенным:

– Ты... Ты что?..

– А что, если я скажу да? – произнесла Ева, скрестив руки на груди.

– Я бы сказал... что это замечательно.

– Ну, это не так.

– О, господи боже! Слава богу! – вздохнул он, прислоняя руку к груди.

Она улыбнулась:

– Что с тобой происходит? Что-то случилось по делу сегодня?

Чеймберс взглянул на другой конец комнаты, чтобы убедиться, что лицо его матери все еще, как и прежде, выражало смесь скуки, отвращения и гнева на одноэтажность их жилого помещения.

– Кровь и волосы, которые я добыл с веревки, не совпали с таковыми от нашей жертвы... ни от одной из наших жертв.

– Но это все же кровь и волосы. Что они там делали?

– Что они там делают? – согласился Чеймберс.

– Давай поговорим об этом позже, – сказала Ева, пожимая его кровоточащую руку. – Просто сначала помоги мне это пережить. Ты мне нужен.

На следующее утро Чеймберс проковылял в свой кабинет, так как запасная кровать явно встала на сторону Евы в споре. Пропуская любезности, он махнул Винтеру следовать за ним в комнату для совещаний, закрыл дверь и лег со стоном облегчения.

Винтер невозмутимо достал свой блокнот и сел на полу возле него, поднимая взгляд к запятнанным плиткам на потолке.

– Как кто-то умудрился пролить там кофе? – спросил он.

– Босс выплеснул его на кого-то, кто ему не понравился.

– На кого?

– На меня.

– А. Немного смахивает на «Тысячелетнего сокола», – сказал он, с прищуром разглядывая его.

– А я думал, на лезвие топора, – сказал Чеймберс. – Но как потенциальному детективу по расследованию убийств хорошо знать, где ваша голова. Итак, какое у Роберта Коутса алиби на ночь первого убийства?

– Был один дома.

– Неважно. У меня новая теория, – объявил Чеймберс, запуская руку в карман куртки и передавая Винтеру ярко-оранжевую собачью игрушку. – Собаки.

– Отлично, – сказал он ободряюще. – Погодите... Чего?

– Собаки, – повторил Чеймберс. – Я подобрал это в его саду, когда мы уходили.

– Может, вам не помешал бы выходной, – предложил Винтер.

– Просто взгляните на следы зубов, – сказал Чеймберс. – Есть один отпечаток, где семь зубов расположены близко друг к другу, другой – четыре зуба на

большем расстоянии, а затем пара глубоких проколов, полностью отличающихся от других.

– И?

– Эту штуку жевали по меньшей мере три собаки. И когда я поднимался наверх, ковер был засыпан шерстью всех оттенков под солнцем.

– И?

– И на заднем дворе выкопана могила.

– Могила?

– ...Клочок вскопанной почвы.

Винтер с сомнением посмотрел на него и сказал, что не означает, что там могила.

– Помните, о чем мы говорили, когда нашли Генри Джона Долана на постаменте той ночью?

– Эммм?

– «Небрежно». Возможно, осторожное первое убийство? Он все спланировал, но затем позволил погоде сделать грязную работу за него. Знаете, с чего начинают большинство серийных убийц, прежде чем перейти на настоящих людей?

– С животных, – ответил Винтер, понимая.

– И один из двух наших главных подозреваемых, похоже, меняет собак с тревожной скоростью.

– Но что насчет Тобиаса Слипа? – спросил Винтер. – У него подъемный механизм, способный с легкостью поднять человека, покрытый волосами и кровью. Он выглядит не менее виноватым.

– Теперь вам нравится мой парень? – спросил Чеймберс.

– Из них двоих, да, я думаю, он больше подходит.

– Ну, мне нравится ваш.

– Значит, за которого возьмемся? Если ошибемся с выбором, проиграем дело.

Чеймберс на мгновение задумался.

– За обоих. Одновременно. Один из нас перекапывает сад, пока другой изымает подъемник.

– А как же ордер? – скептически спросил Винтер.

– Без ордера, – кивнул Чеймберс. – Туда и обратно. Главное – уверенность.

– Один из нас будет неправ.

– Но один из нас будет прав, – заметил Чеймберс. – Даже Хэмм не сможет это проигнорировать. У меня нет никаких сомнений, что один из этих чокнутых и есть наш убийца... У вас?

– Сомнений нет.

– Тогда мы не можем проиграть, верно? Вы в деле?

– В деле... Когда?

– Нет времени лучше, чем настоящее, – сказал Чеймберс. – Чем дольше мы ждем, тем больше у них времени на новое убийство.

Дверь в комнату для совещаний распахнулась, когда Льюис вошел, спотыкаясь о двух мужчин на полу и выплескивая свой кофе на стену.

– Чем мы занимаемся? – просил он, отряхивая болезненный ожог.

– Лечим мою спину, – ответил Чеймберс, даже не пытаясь подвинуться. – Моя вторая половина заставила меня спать в запасной кровати.

– Ну, добро пожаловать в клуб, – сказал Льюис, опуская кофейную чашку на стол, прежде чем улечься рядом с ним. Он выдохнул с облегчением. – Не помню последний раз, когда меня пустили в собственную кровать... Босс тебя ищет.

– Тоже мне новость.

На троих мужчин опустилась мирная тишина, прерывавшаяся только когда Винтер указал на новое пятно на стене.

– Кто-нибудь еще видит световой меч? – спросил он.

– Отвертку, – ответил Льюис.

– Да, это точно отвертка, – сказал Чеймберс. – Не переживайте, – сказал он Винтеру. – Когда-нибудь поймете.

Чеймберс припарковался в пятидесяти футах от коттеджа Роберта Коутса и повозился с каждой кнопкой на приборной панели по два раза в ожидании 1:45, оговоренного времени, к которому Винтер добрался бы до своего места. Он посмотрел на темные тучи.

– Ну же. Не надо дождя. Пожалуйста, не надо дож...

Как по сигналу, небеса разверзлись, за секунды затапливая улицу.

– ...Спасибо, Господи, – пробормотал он, снова во все глаза глядя на часы в приборной панели:

13:42

Он решил, что сойдет, схватил лопату с места под пассажирским сиденьем и вылез из машины. Насквозь промокнув к тому времени, как прошел мимо соседних домов, он шагнул через ворота под пристальными взглядами улыбающихся гномов. Звук капель, ударяющихся об их керамические тела, словно оживил их, они казались маленькими инструментами, занятыми работой под укрытием дождя.

Боковая калитка расщепилась от одного пинка, позволяя ему пробраться на заросший задний двор сквозь цепляющиеся к его брюкам колючки, будто пытающиеся оттащить его назад. Замечая подергивающиеся занавески соседних домов, Чеймберс наконец-то добрался до восьмифутового клочка земли в дальнем конце. Осознавая, что время уже пошло, он высоко поднял руки и с силой опустил их вниз, погружая металл в глубоко налитанную землю.

– Полиция! Откройте! – закричал Винтер, колотя в металлическую дверь «Слип и Ко: Реставрация». – Откройте!

Дверь отпустила свою хватку на стене, и в проеме появился Тобиас Слип, такой же неряшливый и растрепанный, как всегда. Его глаза прятались за темными очками, а в руках он держал паяльник.

– Опустите это на землю! – приказал Винтер, с опаской поглядывая на него. – Опустите!

Послушавшись, Слип снял очки с непонимающим выражением лица.

– Я изымаю ваш подъемный механизм, – сказал ему Винтер, входя в помещение.

– Он нужен мне для работы.

– Не сомневаюсь, – знающе сказал Винтер. – Но это улика в расследовании убийства.

Потянувшись к свисающей в центре комнаты веревке, он попытался скрыть встревоженность от отсутствия вокруг следов крови и волос. Впрочем, Винтер заметил подозрительно незапятнанный потрепанный конец, торчащий из

замысловатого узла.

– Когда это было срезано? – поспешно спросил он Слипа.

– У меня память уже не та, – неискренне ответил тот. – Я не помню.

– Поднимайтесь в свой офис и ждите меня там! – рявкнул на него Винтер, но победная ухмылка на лице мужчины подтвердила, что он тоже слышал нотку отчаяния в его голосе. – Мне нужен доступ к вашим мусорным бакам.

– Они в переулке позади здания. Пожалуйста, не стесняйтесь, – сказал Слип, поднимаясь по лестнице.

Снова уставившись на веревку, Винтер почувствовал, как его затошнило. Они все поставили на это.

– Черт, – прошептал он, надеясь лишь, что Чеймберсу повезло больше.

– Извините, детектив!.. Извините! – позвал Роберт Коутс из-под зонтика, шлепая через сад, чтобы добраться до изнуренного Чеймберса, все еще предпринимающего бесполезные атаки на дно ямы пяти футов глубиной. Под ливнем вырытая им яма заполнялась жижой быстрее, чем он успевал копать. – Чем, по-вашему, вы тут занимаетесь?

– Расследую... убийство... Альфонса... Котилларда, – задыхаясь, ответил Чеймберс и выбросил еще одну лопату грязи через плечо.

– Я полагаю, вы можете показать мне ордер? – Игнорируя его, Чеймберс продолжил копать. – Детектив?

– Что у вас здесь зарыто? – спросил Чеймберс, нетвердо опираясь о земляную стену.

– Это была овощная грядка моей матери, – ответил Коутс, наклоняясь, чтобы посмотреть ему в глаза. Дождь перестал лить, когда его черный зонт заслонил небо. – Детектив. – У... вас... есть... ордер?

Сдаваясь, Чеймберс швырнул лопату на землю и вызывающе взглянул в крохотные черные глазки над ним.

– Нет.

– В таком случае, – спокойно начал Коутс, – немедленно удалитесь с моей территории и ожидайте звонка от моего адвоката до конца дня.

Непрекращающийся дождь вернулся, когда он встал и направился обратно в дом.

Едва стоя на ногах, Чеймберс наблюдал за поднимающейся вокруг его ног водой, не упустив иронию того, что его карьера закончилась в могиле, вырытой им самим.

Он облажался.

Глава 10

Людная платформа сменилась темнотой.

Джеймс «Джимми» Меткалф чувствовал себя так, словно смотрит на поездку со стороны, а не едет сам, когда женщина, на которую он пялился последние пять минут, встала и отошла. Очнувшись от своего оцепенения, он понял, что пустил слюни, но его это мало волновало, потому как он упивался каждым моментом своего прощального кайфа, последнего, которым ему доведется насладиться за долгое время, а может, и за всю жизнь. По правде говоря, он не был так уверен, что переживет ломку на этот раз. Даже если нет, это все равно будет предпочтительнее альтернативы.

Вывалившись из метро на «Вестминстер», он вышел на оживленную улицу, тут же получив сенсорную перегрузку: машины, голоса, бурение – все соревновалось за внимание под ослепительно серым небом, мир казался еще более насыщенным после поездки в подземке. Он заставил себя сконцентрироваться:

– Изви...

Юноша прошел мимо, как будто он был призраком.

– Извините, – попробовал он снова.

– Нет. Извините, – ответила женщина, отворачиваясь, пока он не оставил ее в покое.

После лет тяжелой жизни все его пожитки помещались в наполненный на две трети рюкзак, а сам он давно привык к таким небрежным приветствиям.

– Извините, пожалуйста, – улыбнулся он, удивляя мужчину, пересчитывавшего сдачу, отходя от газетного киоска. Он видел, как вращаются шестеренки: мужчина перевел взгляд с горсти монет на зачуханного типа перед ним. Не видя пути к отступлению, незнакомец выудил фунтовую монету и без энтузиазма протянул ему оставшиеся деньги.

– Не нужно. Но спасибо, – улыбнулся он. Они ему не понадобятся. – Вы не могли бы, пожалуйста, указать мне дорогу до Скотленд-Ярда?

Меньше чем через десять минут он прошел сквозь неустанную тень легендарной вращающейся вывески и гарантированно привлек внимание офицеров, стоящих на страже. Нетвердо спотыкаясь, он побрел к ним, приветственно кивнул, а затем, резко замахнувшись, безжалостно раздробил кость самодельным кастетом, заставив мужчину потерять сознание еще до того, как он приземлился на пол.

Ворвавшись в здание, он перепрыгнул через турникет, прежде чем кто-либо смог отреагировать, сбил нескольких людей с ног и несясь через атриум, когда офицеры окружили его со всех сторон, некоторые с огнестрельным оружием, большинство – просто с дубинками наготове.

– Стой! – крикнул один из вооруженных полицейских. – Стой, или я буду стрелять!

Понимая, что его оцепили, бездомный замер и уронил окровавленное оружие на землю.

– Ладно! – выпалил он, задыхаясь. – Сдаюсь! Сдаюсь!

Он поднял руки, держа в левой маленький полиэтиленовый пакет.

– Что это? – спросил у него офицер, осторожно приближаясь.

Он все еще переводил дыхание:

– ...Доказательство.

– Чего? – уточнил полицейский, пока его коллеги забирали прозрачный пакет и хватали этого странного типа за руки.

– Моей вины, – ответил бездомный с улыбкой, когда наручники защелкнулись вокруг его запястий. – Я сделал кое-что очень, очень плохое.

– ...А теперь две жалобы за один день! – проревел Хэмм на Чейберса и Винтера, остававшихся благоразумно безмолвными по другую сторону его стола. – Адвокат Коутса уже подает на нас в суд за преследование. Думаете, Слип сильно отстанет? И кстати, хотите узнать, как я проведу пятничный вечер? С моим боссом и юридическим отделом, пытаюсь выяснить, сколько нам будет стоить не дать всему этому попасть в прессу. Я приказал вам рассматривать это как два... отдельных... инцидента!

Винтер поднял руку.

– Если то, что сейчас вывалится из этой дурацкой хреновой дыры в твоем лице, включает слово «статуи», – предупредил его Хэмм, – я бы советовал тебе ее закрыть.

Винтер опять благоразумно последовал совету, а Чеймберс же начал:

– Есть кое-что еще.

– Еще? – издевательски спросил Хэмм. – Ты имеешь в виду кроме мужчины, которому платят за реставрацию поврежденных статуй, делающего именно ту работу, на которую его наняли, и того, что двое членов развлекательного центра время от времени разговаривали друг с другом?! Нет ничего «еще». У... вас... нет... ничего!

– Есть кое-что еще, – повторил Чеймберс, дразня медведя, – что мы еще не задокументировали официально. Мы нашли иглу и битое стекло на месте убийства подростка. Мы считаем, что...

– Вы ошибаетесь.

– Но...

– Я сказал, что вы ошибаетесь! – перекричал его Хэмм, перепугав всех в наружном офисе, как раз притворявшихся, что не подслушивают.

– Сэр?

– Полное признание от Джеймса Меткалфа в отношении убийства Генри Джона Долана в Гайд-парке! – рявкнул Хэмм и швырнул ему стопку бумаги через стол.

Чеймберс и Винтер обменялись растерянными взглядами.

– Кого?

– Двадцать пять лет. Бездомный. Парк – его место, – объяснил Хэмм. – Он увидел возможность и воспользовался ею.

– Вы хотите сказать, что это было обычное ограбление? – спросил Чеймберс. – Быть такого не может.

– Правда? – Хэмм потянулся, забрал бумаги и начал листать. – Здесь он объясняет, как заманил жертву в парк под видом того, что продаст ему наркотики. Вот здесь он объясняет, как подбил Долана самостоятельно залезть

на постамент, сказав ему, что там он спрятал записку. А тут рассказано, как он колот его в затылок, парализуя его, забирает кошелек, часы и одежду, затем оставляет его умирать.

– Но, – начал Чеймберс, – как...

– У него была эта несчастная игла! – заорал Хэмм, заставляя его замолчать. – В крови жертвы, шприц был все еще мокрым от вещества. Дело нахрен закрыто!

Чеймберс выглядел раздавленным.

– Эти убийства никогда не были связаны, ты, тупой, тщеславный козел, – сказал ему Хэмм, явно смакуя момент. – Никогда не было никакой связи со статуями. Ты заработал себе отстранение на пустом месте.

– Отстранение?

– Ты меня слышал! – отрезал Хэмм и повернулся к Винтеру: – А что делать с тобой, я оставляю решать твоему начальнику. Ты теперь не моя проблема.

– А что с Альфонсом и Николетт Котиллард? – спросил Винтер, пока Чеймберс осмысливал новости.

– Расследование еще в процессе. Я подумал попробовать пойти в новом направлении на этот раз и отдать его кому-нибудь действительно компетентному.

– А кровь, найденная на веревке?

– О, извините, – саркастично сказал Хэмм. – Я не подумал, что это твой первый день. Это абсолютно ничего не значит. Вы, двое идиотов, заполучили образцы незаконно. Мы не можем доказать, откуда они взялись, и теперь вы говорите, что подъемник чист. Это тупик! Просто убирайтесь с глаз моих, оба!

Все еще немного ошеломленный, Чеймберс последовал за Винтером в общий офис, игнорируя ехидные ухмылки и еще более ехидные комментарии подслушивавших коллег.

Льюис дожидался их у лифтов и похлопал своего друга по спине, когда они вошли внутрь.

Чеймберс невидяще уставился на него:

– Я был так уверен.

– Я знаю, – жалостливо улыбнулся он, когда подрагивавшие двери закрылись.

Чеймберс услышал, как хлопнула входная дверь, и быстро налил бокал вина, прежде чем Ева вошла в комнату. Ее взгляд метнулся с шипящих на плите сковородок до мерцающей в центре стола свечи, до винного бокала в его руке, до его перемотанного пальца, до отрепетированной улыбки, замершей на лице Чеймберса (одна часть «мне так жаль», две – «между нами все хорошо?», щепотка «я так рад тебя видеть» и крупца «я очень сильно обжег большой палец, готовя для тебя, и я улыбаюсь сквозь боль»).

Ее хмурое лицо смягчилось, и спустя мгновение она улыбнулась в ответ.

Сработало.

– Я думала, ты сегодня вечером на работе, – сказала она, принимая у него бокал.

– Смешная история на этот счет, – начал он, прежде чем сделать несколько глотков из своего бокала, чтобы потянуть время.

– ...Да?

– Мы поговорим об этом после ужина.

– Нет. Мы поговорим об этом сейчас, – возразила Ева, отставляя свой бокал.

– Ладно. Только не злись. Помнишь то дело, над которым я работал? И помнишь, как ты всегда говорила мне просто следовать за своей интуицией, оставаться честным перед собой и тем, во что я верю?

– Я буквально никогда такого не говорила.

– Ну, я перефразировал.

– Тот раз, когда я сказала тебе не следовать за интуицией, а просто сохранить работу? Не оставаться честным перед собой, потому что нам надо платить по счетам? И к черту все, во что ты веришь, так как мы не можем позволить себе платить за это место с моей зарплаты?!

– Эммм.

– Бен, тебя что, уволили?

– Нет! Конечно же, меня не уволили! – заверил он и даже слегка рассмеялся, а Ева едва заметно расслабилась. – ...Просто отстранили.

– Я ухожу.

– Чего?

– Я ухожу. Ты должен был работать, – сказала она ему, шагая к спальне. – Сегодня мой вечер с девочками с работы.

– Что, с теми заносчивыми партнерами фирмы, которые всегда разговаривают с тобой снисходительно?

Дверь захлопнулась у него перед лицом. Зная, что лучше не преследовать ее дальше по лофту, он уселся на пол.

– Я пойду пресмыкаться первым делом в понедельник утром. Обещаю, – позвал он через дверь. – Я облажался. То есть очень, очень, очень облажался. Я просто хотел... хотел поймать его, прежде чем он сможет навредить кому-то еще. Знаю, ты думаешь, что я хотел что-то доказать, что я умнее их, но это не так. Я просто думал, что могу не дать чему-то плохому случиться с тем, кто этого не заслуживает. Считал, что должен попытаться. И мне жаль, что ты на меня злишься, но об этом я не жалею.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Билтонг (афр. biltong) – разновидность вяленого мяса, пользующаяся популярностью в ЮАР и Намибии. – Здесь и далее прим. переводчика.

2

Джамби (англ. jumbie) – мифологический дух или демон в карибском фольклоре. Это общее название для всех видов вредоносных существ.

3

When Will I Be Famous? – сингл английской группы «Bros».

4

Песня Too Many Broken Hearts – англ.

5

Оскорбительное название, применяемое нигерийцами к ямайцам.

Купить: https://tellnovel.com/ru/koul_deniel/podrazhatel

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)